

ДЕТЕКТИВНОЕ

РЕТРО

ПОЕЗД НА ЛЕНИНГРАД

ЮЛИЯ ЛИ

Детективное ретро

Юлия Ли

Поезд на Ленинград

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ли Ю.

Поезд на Ленинград / Ю. Ли — «Эксмо», 2022 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-173314-8

Декабрь, 1928 год. Разыскивается обвиненный в шпионаже бывший московский губпрокурор – ОГПУ обнаружила его связь с австро-венгерской разведкой. Все свидетели и сообщники допрошены и арестованы, но никак не получается выйти на него самого. И лишь железнодорожный билет на Ленинград с таинственной запиской со временем и местом встречи дает надежду. Сотрудники угрозыска отправляются в вагон, указанный в записке. Их сопровождает профессор института судебно-психиатрической экспертизы Грених, чтобы среди пассажиров вычислить сообщника шпиона... Юлия Ли и издательство «Эксмо» представляют роман из цикла «Детективное ретро» – «Поезд на Ленинград», написанный по материалам судебного отчета по делу об антисоветском правотроцкистском блоке. Он рассказывает о таинственных и загадочных событиях, происходивших в первые годы существования молодой советской республики.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173314-8

© Ли Ю., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Последний вагон скорого поезда № 2	9
Глава 2. Дебют. Уполномоченный МУРа начинает следствие	15
Глава 3. Дары волхвов	32
Глава 4. На березу села галка, две вороны, воробей...	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Ли

Поезд на Ленинград

© Ли Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Скрестим же с левой, вобравшей когти,
правую лапу, согнувши в локте;
жест получим, похожий на молот в серпе, – и, как
черт Солохе,
храбро покажем его эпохе, принявшей образ дурного
сна.*

Иосиф Бродский

Пролог

Заканчивался последний день уходящего 1928 года. 31 декабря, на носу Новый год, а в здании Прокуратуры в Столешниковом переулке все еще горели окна, следчасть Московского губсуда кипела работой, торопились закончить дела хотя бы к восьми. Делопроизводители, секретари, следователи и их помощники хлопали дверьми, стремительно носились по коридорам, поздравляя друг друга «С наступающим!» и тут же спрашивая, в какой отдел отправить так поздно явившегося за справкой, или жалуюсь, что не успевают сдать бумаги в архив. Кому-то отпуск не подписали вовремя, кому-то не выдали разрешение на железнодорожный билет. Молоденький следователь, только заступивший на должность, бегал из кабинета в кабинет, водя за руку старушку, наконец собравшую все необходимые свидетельства для своего дела. Доставили заключенных на допрос – помощник прокурора страшно разругался, требуя везти их обратно.

– Ну куда на мою голову? Через час рабочий день заканчивается... Хуже – через шесть кончится год!

Царила привычная суматоха, возведенная в трехкратную степень из-за праздника. За чернотой окон метель завывала все громче, дребезжали стекла, с улицы неслись отголоски пьяных песен, играла гармонь, пускали хлопущки, смеялись. А следчасть все жила беспокойным муравейником.

Но постепенно коридоры стали пустеть. Заключенных отправили обратно в ардом, за справками попросили явиться 2 января будущего года – секретарша-стажер куда-то сунула бланки протоколов, сейчас их не найти, старушка трясущейся рукой утерла глаза, делать нечего – тоже ушла. Стало еще тише. К восьми на этажах уже не бегали, все реже хлопали двери и раздавались голоса. Служащие уходили по домам, кто-то тайком, кто-то, громко крикнув «Сил моих нет!» – уходили, чтобы присоединиться к праздничным застольям в украшенных флажками квартирах, наполненных ароматами хвои, заграничных апельсинов, зажженных свечей и запеченной птицы.

И только несколько старших следователей, занятых разгребанием сводок за год, не спешили с уходом. В сентябре этого года в Прокуратуре стряслась неслыханная трагедия, потрясшая весь Наркомвнутдел, – бежал губернский прокурор Швецов, оказавшийся – ни много ни мало – австро-венгерским агентом Владом Миклошем, который в гражданскую войну служил в рязанской губчека под чужим паспортом и одновременно управлял целым полком дезертиров, засевших в одной из рязанских усадеб.

Шел третий месяц, как эта чертовщина всплыла наружу. Полетели десятки голов. Арестовали человек десять мелких чиновников и любовницу Швецова, суд над которой длился до сих пор. ОГПУ была поставлена задача сыскать если не самого шпиона, так хоть кого-нибудь из сообщников или свидетелей тех лет, когда дезертир и иностранный агент, завладев чужим паспортом, был назначен начальником рязанской губчека.

Следствие буксовало. Кто помог шпиону затесаться в структуры советского общества? Кто покрывал его? А кого – он? Так много вопросов и так мало ответов. Тесный клубок из событий и людей, казалось, невозможно было распутать.

До Нового года оставались считанные часы, а группа следователей, будто запорожские казаки, сочиняющие письмо султану, сидели в тесном кабинете вокруг канцелярского стола и ломали голову, какой отчет предоставить председателю ОГПУ Менжинскому, когда громко хлопнули дверью – примчалась, ковыляя, хромоногая поломойка Маша.

– Сморите, шо нашла! У *его* кабинета валялось, – взвизгнула женщина, выпучивая глаза в азитации, тяжело дыша от быстрого бега по ступенькам. Лицо у нее было странноватое – калека с детства, перенесла какую-то болезнь костей – челюсть набухшая, перекошенная,

глаза – щелочки, не разглядеть, какого цвета. И удивление не добавило чертам привлекательности. Следователи, отвлеченные от работы, замолчали разом и недоуменно воззрились на вбежавшую в кабинет кособоко прихрамывающую горбунью.

Кривыми, узловатыми, почерневшими от работы пальцами протягивала она несколько сложенных бумажек: железнодорожный разовый билет до Ленинграда и таинственную записку с указанием вагона и времени встречи.

– Билет еще не использован, выписан на имя бывшего помощника прокурора! Все-таки он тоже был повязан с этим прохвостом! – недоуменно вскричал первый следователь. Он быстро прочел бумаги, повертел их из стороны в сторону, глянул на свет и протянул через стол другому.

– Не зря его в Астрахань юрисконсультком на деревообрабатывающий комбинат отослали, – ответил второй, тоже прочитав и тут же передав третьему. – Что он может здесь делать? Кто-нибудь его видел в здании? Ему что, позволили вернуться? Или я чего-то не знаю?

– То есть как на его имя? Назад его не принимали. Что указано в графе «выдан»? Ага. Так и написано: выдан такому-то, такому-то, должность. Число лиц: два... Странно! – Четвертый быстро пробежался глазами по строкам и поднял оба листка к трехпалой казенной люстре, криво висящей под потолком.

Первый взял из его рук артефакты и обернулся к уборщице, бросив на нее строгий взгляд.

– Где, говорите, нашли?

– Прямошки под его дферью. Замок пытались вскрыть! – прошепелявила та из-за ужасно кривых зубов и вздувшихся челюстей. – Я заметила надрез на бумашке, што на дферь налепили – наверное, шкреблись потихоньку, да я шпугнула.

– На этаже был кто?

Женщина наморщила лоб. Старательно припоминая, она принялась вытирать руки о серый фартук, медленно качнула головой из стороны в сторону.

– Не могу шказать. Ходили, но фроде бы фсе наши.

Следователь вернулся взглядом к билету.

– А кем выписан? – спросил его третий.

– Начальником билетной группы станции Москва-Пассажирская...

– Что за черт! Не может быть! – в сердцах стукнул себе кулаком по лбу четвертый, предчувствуя, что Новый год ему придется встречать, выясняя, что это за билет и кто его выронил. Понадеялся, наивная душа, успеть до восьми забежать за консервами в бакалею по дороге домой. Домашние его растерзают.

– Тут и печать есть.

– И это когда до Нового года шесть часов осталось!

– Уже четыре...

– Билет действует до 31 декабря сего года.

– А что в записке?

– Ничего существенного. *«Будет ждать в последнем вагоне. Время отправки без изменений 23.00».*

– Скорый на Ленинград... – вздохнул первый, впав в раздумья.

– Кто, интересно, будет ждать? – нервно тер шею под воротником второй.

– Это-то и следует выяснить, увы, способом известным – сесть в вагон, – упавшим голосом отозвался третий.

– Ехать, стало быть, кому-то из нас? – расширил галстук четвертый.

– Я пас, меня качивает. А тут последний вагон...

– Звоните начальнику Октябрьского вокзала и Генриху Григорьевичу.

– Прямо зампреду ОГПУ... прямо Ягоде?

– Он сказал, если появится хоть одна ниточка – ему лично.

– Но что это за ниточка? Разве можно назвать это хоть какой-то уликой?

– Довольно толстая, хорошая. Дратва настоящая! Билет выписан человеку, который тесно работал с Савелием... э, будь он неладен... с Владом Миклошем. Да, пусть он ни в чем не заподозрен, но сослан. Записка найдена у двери кабинета губпрокурора. Кажется, появилась надежда выйти на него.

– Но если билет у нас... Кто тогда сядет в вагон?

– Третий. Тут ведь сказано: «будут ждать». Двое, кому билет выписан, если и не явятся теперь, раз уж мы завладели им, – их будет ждать кто-то третий. Тот ли, что приходил, или еще кто – неизвестно. Но слова «будут ждать» ни в коем случае нельзя игнорировать.

– Будут ли ждать?

– Что за «тайны мадридского двора». А вдруг никто не сядет?

– Тогда прокатимся до Ленинграда впустую.

– В новогоднюю ночь?

– Это лучше, чем упустить шпиона.

– Но как? Мы ведь не знаем, кого брать! Мужчина это, женщина? Старик? Старуха, ребенок?

– Вычислить.

– Не представляю, кто может это вычислить с таким ничтожным количеством данных. Набьется вагон до отказа – вычислишь там, ага.

– А я знаю такого человека. В институте судебной психиатрии работает.

– Не тот ли, который проводил сеанс гипноза в зале заседания недели две назад?

– Он самый. Константин Грених, старший судебный эксперт из ИСПЭ.

И один из следователей вышел, чтобы по коммутатору связаться с Объединенным Госполитическим Управлением, что возвышалось мрачной серокаменной громадой на Лубянской площади.

Глава 1. Последний вагон скорого поезда № 2

31 декабря 1928 года. Октябрьский вокзал

Валом валил крупный снег, небольшой морозец рисовал на окнах узоры, народ на улицах Москвы, закутанный по глаза в шарфы, пуховые платки, в полушубках, ушанках, валенках и в приподнятом настроении скользя по гололеду и выпуская клубы пара, спешил по домам. Еще не закрылись бакалейные лавки и кооперативные магазины, кто-то тащил елку или охапку душистых веток на санях, дровишки, бочонок с пивом Шаоловского акционерного общества. Под веселый смех и пьяные песни компания веселых студентов поворачивала от Каланчевской площади – шла отмечать к кому-то на квартиру, где-то выстрелили из самодельной хлопушки, снова смех, а там – гармонь, без конца носились извозчики, подвозя пассажиров с поклажей, от них не отставали гудящие клаксонами такси, свет фар конусами выхватывал из черноты мельтешившую снежную крошку.

По деревянному настилу перрона тоже сновали люди, всюду лежали бесконечные тюки, узлы и чемоданы. Свистками пытался навести порядок дежурный, но то и дело кто-то да нарушал привычный порядок: то провожали с песнями, то встречали с дракой, то взрывались хлопушки, то надрывалась гитара или баян. Большая компания рабочих сгрудилась у ярко разукрашенного агитпоезда, отправляющегося после полуночи. Сейчас уже редко разъезжали такие по стране, разве только в какой-нибудь праздник.

Без конца роняя стопки газет и журналов, держа под мышкой жестяной кубок победителя шахматно-шашечной секции Пролетарского спортивного общества «Динамо», а другой рукой притискивая к боку дряхлый, выдавший виды чемодан, курсировал в толпе, ища свой поезд, мужчина лет тридцати в шапке-ушанке и клетчатом шарфе. Близоруко щурясь, он всматривался в прохожих, подошел к дежурному, спросил, какой состав идет до Ленинграда. Ему ответили, показав на ряд вагонов с буквами «ОЖД», молодой человек недоверчиво нахмурился, покивал, двинул по перрону дальше, зашел в один вагон, вышел, ступил в другой. Наконец он добрался до хвоста, бросил взгляд в сторону паровоза, оставшегося где-то в начале, и шагнул в последний вагон с отметкой «жесткий», где уже сидели несколько человек, а на скамьях и багажных полках под потолком лежали чьи-то вещи.

– Совершенно не приемлю спальные вагоны! – сказал, как отрезал, он, обращаясь в пространство. – Не представляю, как можно спать в дороге, когда можно заняться полезным делом, чтением например. Здесь хорошее освещение? Хм, всего одна лампочка... ну что ж.

Он сделал два шага внутрь свежеразукрашенного вагона и с удовлетворением огляделся, остановив взгляд на тускло горящей лампочке, свисающей с потолка, обшитого снаружи и изнутри досками.

Вид молодой человек имел несколько нелепый, будто собирался впопыхах или был слаб глазами. Пуговицы шинели он застегнул вкривь, поэтому половина поднятого, чтобы не задувало шею, повязанного шарфом ворота закрывала часть его лица; на одной руке перчатка черная, на другой – коричневая с пуговицей; из-под брюк, слишком коротких, но неприлично широких, выглядывали носки: один – украшенный ромбами, другой – в полоску. Ботинки осенние, сильно стоптанные, размера на два больше и хоть одного цвета, но надетые левый на правую ногу, а правый – на левую.

– Товарищ, куда без проверки... – остановил его кондуктор, вбегая за ним в вагон.

Нелепым типом был Феликс Белов, приехавший в Москву из Ленинграда в конце ноября на Пятый Всесоюзный шахматно-шашечный съезд. Все бы ничего, но Пятый шахматный съезд завершился в прошлом году. Феликс, шахматист-любитель, а также профессиональный летатель в облаках, вообразил себе, что если второй турнир после первого был три года спустя, второй, третий, четвертый – год за годом, то пятый обязательно должен состояться вновь спустя

три года после четвертого. Высчитав по собственной хитрой схеме и примерные даты будущего чемпионата, он поднялся из-за письменного стола своей коммунальной комнаты, что располагалась на Ваське¹, утром двадцать третьего ноября, собрал чемодан, под мышку сунул старые отцовские из слоновой кости шахматы и махнул в Москву, не удосужившись проверить, совпадают ли его предположения с действительностью.

Прибыв по адресу, где обычно проходили шахматные съезды, – это был бывший Камергерский переулок, нынешний Художественный проезд, он пришел в удивление, не найдя там никакого съезда. Над ним посмеялись и выпроводили. Но Феликс быстро отошел от потрясения. Посокрушавшись над своим промахом ровно три минуты, он купил справочник «Вся Москва в кармане» и отправился по шахматным клубам столицы. И месяц занимался тем, что обыгрывал местных гроссмейстеров так, будто был переодетым Капабланкой². Играл до тех пор, пока клубы не переключились на предновогоднюю суету. Шахматисты вынесли из залов столы, притащили граммофоны, развесили блестящий серпантин, пригласили девушек, и на некоторое время шахматные клубы превратились в танцевальные. Феликс танцевать не умел, заскучал, пришлось двинуть домой.

После обязательной процедуры досмотра билета и багажа он зашел внутрь вагона, огляделся, отметив, что имеется много пустых мест, можно выбрать сиденье в центре – чтобы не дуло. Феликс был ужасным мерзляком и не выносил, если сквозило из какой-нибудь щели, – это мешало сосредоточению.

– Четыре года назад Сормовский завод выпустил первые двухосные вагоны, предназначенные для пригородных поездов, а спустя три года было построено таких три сотни, – продвигаясь по проходу, сказал он самому себе, но достаточно громко.

Из-за спинки одной скамьи на его голос выглянула закутанная в полушубок девушка с мужским тряпичным картузом на голове, натянутым по самые глаза. Она сидела, вся утопая в тюках, узелках, картонках и чемоданах, – вещи не поместились на верхних полках и потому были сложены на скамейке перед ней, в ее ногах и даже отчасти занимали проход.

Феликс остановился рядом с ней, выбрав себе место на скамье справа – это был аккурат центр вагона, и здесь совершенно ниоткуда не дуло.

– Кузов вагона длиной четырнадцать метров с базой в восемь целых две десятые метра имеет в каждой боковой стене восемь окон, – обратился он к девушке, переложил в одну руку и газеты, и кубок с чемоданом, а другую вытянул вперед, раскрытой ладонью повел сначала в одну сторону от продольного прохода, где размещались деревянные скамьи, рассчитанные на трех пассажиров, а потом и по другую – где сидели по двое и где собирался устроиться он сам. Девушка любопытствующе позыркивала из-под потрепанного козырька на странного вида чудака, держащего такой большой букет газет, что казался почтальоном, потерявшим сумку и вынужденным таскать свою бумажную ношу прямо в руках.

– Раз, два, три... все восемь. Восемь окон! – посчитал Феликс.

– Эй, ты чэго пристал? – на месте у окошка, за девушкой, оказывается, сидел парень, которого шахматист не заметил. Одетый в старомодное, хорошо сохранившееся, с широким хлястиком английское пальто нараспашку, он сдвинул со лба на затылок барашковую шапку и глянул на Феликса, яростно сверкнув светлыми, близко посаженными глазами.

– Я просто очень люблю поезда. И впервые в новом вагоне, – извиняюще ответил Феликс, снимая с себя шапку-ушанку и разматывая шарф. Ворох газет он уложил на скамейки, заняв все четыре сиденья целиком – свое, соседнее и два напротив, а чемодан и жестяной кубок поставил на пол между ботинок. На макушке кубка красовался кустарно расписанный крас-

¹ Васильевский остров, один из районов Ленинграда.

² Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера (1888–1942) – кубинский шахматист, чемпион мира.

ками советский герб с серпом и молотом, а под ним висела лента надписи: «Пролетарское спортивное общество “Динамо”» и еще ниже: «Шахматно-шашечная секция. 1-е место».

Феликс огляделся, переместил взгляд в конец вагона и стал, водя пальцем по воздуху, пересчитывать скамьи. Пересчитал, с довольством отметив, что всего в вагоне ровно семьдесят два места для сидения – как оно и положено, а высота кузова, похоже, действительно имеет два целых семьдесят пять сотых метра. Чтобы проверить и это, он попробовал достать пальцами деревянный потолок. Сам он был достаточно высок – метр восемьдесят ростом плюс вытянутая рука от головы до кончиков пальцев – шестьдесят сантиметров, не хватило до потолка на глаз сантиметров тридцать. И Феликс опять посмотрел вдаль вагона, теперь проверяя, на месте ли уборная – в одном конце сбоку от двери, ведущей в тамбур, размещался маленький клозет. Кроме него из удобств в вагоне имелось отделение с котлом водяного отопления справа от двери в тамбур, поэтому в вагоне было довольно тепло – можно и расстегнуть шинель.

– Между прочим, а вы знали, что хребтовая, боковые, буферные и средние поперечные балки рамы изготавливают из швеллера № 26, а четыре промежуточные – из швеллера № 18? Вагон имеет двойное рессорное подвешивание, состоящее из листовых рессор и цилиндрических пружин, что обеспечивает большую плавность хода. Объем вагона ни много ни мало двадцать одна с половиной тонна, – поднял он палец, обращаясь с высоты своего роста к парню в барашковой шапке.

– Ну и что? – огрызнулся тот.

– Даже несмотря на то, что мы поедем в последнем вагоне, сильно качать не будет.

– Вот приклеился! Иди своей дорогой, э.

– Нам с вами, между прочим, Новый год встречать. Зачем грубить? – обиделся чудак и стал неловко забрасывать чемодан на полку. Получилось с пятого раза, трижды чемодан шлепнул его по макушке, прежде чем улегся как полагается.

Девушка, глядя на его попытки расположиться, наконец заливисто рассмеялась.

– Ой, да он же вылитый «Маленький Бродяга» Чарли Чаплина, только без усов, – хохотала она. Феликс обернулся через плечо, увидел красивый изгиб темных бровей, молочную полоску лба и два рядка ослепительно-белых зубок. – Даня, помнишь, мы ходили на «Малыша», а потом на «Парижанку»?

Феликс Белов повернулся к девушке, посмотрел в ответ с дурацкой улыбкой во все тридцать два зуба, не понимая, добрый это смех или над ним опять потешаются. Соскользнувший с полки чемодан громко шлепнулся на его голову.

– Да, это, наверное, потому вам я показался на него похожим, – сказал Феликс, вновь под хохот пары водружая поклажу на полку, – что мне ботинки велики и их приходится менять местами. Чарли Чаплин тоже по этой причине менял местами свои башмаки. Моего размера мужских ботинок не достать. Приходится выходить из положения.

Барашковая Шапка и его спутница, хохоча, одновременно посмотрели на ботинки Феликса и столь же дружно принялись хохотать еще громче. Смешавшись, Белов поднял свои газеты со скамьи, чтобы освободить для себя место, заметался из стороны в сторону, не зная, куда их пристроить, случайно пнул кубок, споткнулся, чуть не упал. Хотел было уложить газеты к чемодану наверх, но те посыпались на него дождем, пришлось ползать по проходу, собирать и складывать их на пустую скамью. Девушка, смеясь, нагнулась, подняла несколько листков и переложила их с пола на скамью.

– Да, нэ хватает толко пианино... – сказал Даня, утирая глаза от слез. – Веселая поездочка нас ждет.

– А как так случилось, что вы оказались в новогоднюю ночь в поезде? – спросил Феликс. Так никуда и не пристроив газеты, он сел, часть их продолжая держать в руках, а остальные листы все еще лежали на полу под его ногами и на скамье напротив.

– Э, никак! Отстан. – И парень вдруг нахмурился, натянул на глаза шапку, скрестил на груди руки и отвернулся к окну. Он так и сидел, когда Феликс вошел, поэтому тот его не заметил.

– Дая, ну, – тронула его за плечо девушка, посерьезнев. – Чего ты опять злишься?

– А чего он чужим женам в вагоне экскурсию при живом муже устраивает, паяц, – вспылил Барашкова Шапка. Говорил он с кавказским акцентом, наверное, грузин – характерное западание букв «ы» и мягкого знака. А с виду не скажешь. Волосы, как у Феликса, чуть темнее русого, глаза тоже, как у Феликса, – васильковые, только черты лица выдавали в нем кавкасионский тип – тяжелые надбровные дуги и крупный нос с горбинкой. А вот жена его больше на грузинку походила – это стало видно, когда она чуть потянула свой картуз назад, открыв взору беломраморный лоб и прядку черных, блестящих, как отполированная агатовая диадема, волос. Но говорила без акцента совершенно.

– Белов, – Феликс сбросил газеты и протянул ему с улыбкой руку, – шахматист-любитель.

– Даниэл Сергеевич Месхишвили, – смягчившись, нехотя сказал тот и ответил на рукопожатие, но все же не так уж неприязненно. Уронив взгляд к ботинкам Феликса, даже дернул уголком рта в улыбке. Вообще – грузин этот – парень, скорее всего, добродушный, только сегодня пребывал не в духе.

– А я – Лида. – Девушка тоже протянула руку, которой Феликс коснулся так осторожно, будто пальчики ее были огненные.

Постепенно вагон начал заполняться людьми.

Вошел мужчина с маленькими черными усиками, в фуражке и длинной, в пол, военной шинели, погруженный в свои мысли и глядящий вниз, исчез в конце вагона, заняв место у клозета.

За ним проследовал очень высокий, похожий на немца, рыжеволосый человек лет двадцати пяти в коричневой шубе, очках и с белым кашне на шее. Он сделал несколько стремительных шагов в проходе между скамьями и вдруг остановился, взглянув на разговаривающих Феликса и грузинскую чету такими озабоченными глазами, будто повстречал какого-то не очень доброго своего знакомого. Только кто именно ему показался знакомым или подозрительным – Феликс не понял. Молодой человек в очках оглядел тюки с вещами на скамье, разложенные против грузинской четы, в которых спал кто-то в грязно-белом свитере крупной вязки, с головой, накрытой пиджаком, – его Феликс тоже не сразу заметил, и протопал в конец вагона. Впрочем, может, тревожность его удлиненному лицу с массивным подбородком придавали именно эти круглые очки, а остановился он лишь потому, что проход отчасти был загорожен тюками.

В глубине вагона он разделся, по-немецки аккуратно уложил шубу на полку, предварительно вывернув ее наизнанку, достал книгу и сел спиной к Феликсу, против военного вида темноволосого мужчины в фуражке с черным околышем, который сидел там уже давно. Околыш на фуражке не имел каких-либо опознавательных знаков, чтобы можно было понять, к сотрудникам какого ведомства он относится, но выправка все же наводила на мысль, что человек он именно что военный – плечи расправлены, грудь колесом. Феликс невольно поднялся, чтобы лучше его разглядеть. Интересный тип. Лицо со вздернутыми бровями, мечтательным взглядом и тонкогубым, резко очерченным ртом одновременно напоминало Пьеро и Юлия Цезаря – верх принадлежал персонажу комедии дель арте, а низ – римскому полководцу. Фуражка закрывала его лоб, поэтому физиогномист в Феликсе не смог бы оценить умственные способности этого любопытного индивида. Мужчина думал о чем-то своем, смотрел сквозь запотевшее окно на суетящихся людей на перроне, волочащих поклажу, елки, на шумную компанию молодых, провожающих кого-то под звуки баяна и распевающих «...в даль

иную – новыми путями...»³, на женщину с фартуком, повязанным поверх шубы, которая продавала горячие пирожки с маленькой тележки. Он смотрел на всю эту вавилонско-советскую суету, а взгляд его был совершенно пуст.

Наблюдая за пассажирами, Феликс невольно привставал, а когда понял, что его поведение выглядит со стороны подозрительным, сделал неуклюжий вид, будто собирается снять шинель, хотя и не думал с ней расставаться.

– А ну подвинься, – ткнула его в бок девица с сиплым, будто прокуренным голосом. Белов невольно посторонился и послушно сел на свою скамью. На девице – хрупкой, как воробушек, и лицом такой юной, что она вполне могла оказаться и школьницей старших классов, – был черный кожаный плащ, потрескавшийся от времени в нескольких местах, из-под ярко-алой косынки виднелись короткостриженные прямые и жесткие светлые волосы. Она зло зыркнула сверху на присевшего Белова, как ястреб на ягненка, и прошла мимо, шлепнувшись на пустую скамейку через проход от рыжеволосого с белым кашне и в очках. Тот был погружен в книгу и даже не взглянул на девицу. Не посмотрели на нее и мужчина в черной фуражке, и тот другой – с усиками.

Она села так, что Феликсу осталась видна только ее косынка и обтянутые черным почти детские плечики. Как-то очень легко она одета, посетовал Белов, невольно вспоминая, какие лютые морозы в середине зимы случаются в бывшей столице, какие ледяные ветра дуют с Финского залива. А ведь у нее и чемодана с собой нет. Очень подозрительная барышня.

Любопытный Феликс опять привстал посмотреть, что она будет делать, – достала из кармана затертый блокнот для записей на пружинке и карандаш, сторбилась, стала что-то поспешно писать.

Его опять попросили подвинуться. После девицы зашел еще один человек в шубе – кажется, енотовой, потому что она была вся черно-серебристо-белая с рыжинкой, пушистая, объемная и, видно, очень теплая. Пожилой мужчина с седой ухоженной бородой, в шапке из блестящей черной шерсти, при чемоданчике, какие обычно с собой носили врачи, – наверное, доктор. Он стоял, покашливая, терпеливо ждал, когда Феликс очнется от задумчивости и даст ему дорогу.

Феликс с извинениями сел, вдруг осознав, что забылся и опять ведет себя неприлично, позволяя себе вот так открыто разглядывать людей, будто зверушек в зоосаде. Но они все были до того любопытными, разными. Феликс помнил пору своего детства, каких-то двадцать лет тому назад юбки барышень достигали пола, они не носили таких страшных черных плащей, не надевали картузов, коротких платьев, а эти красные косынки – самый нынче модный аксессуар – выглядят так прогрессивно, так модернистски. Новый век, новые нравы, новая жизнь.

– Кто-нибудь знает, почему к поезду на Ленинград прицепили пригородный вагон? Что за новшество? – пробурчал пожилой человек, снимая енотовую шубу и усаживаясь на скамью за девицей в косынке. – Одиннадцать часов пути сидя, да еще в такую ночь! Безобразие, на всем экономят.

Сразу же за ним вошла шумно пыхтящая баба в овчинной дубленке и двух пуховых платках – один на голове, другой на плечах, завязанный на груди крестом, – она втянула в вагон пушистую ель, кое-как связанную бечевкой. И тотчас вагон наполнился праздничным ароматом хвои. Феликс бросился помогать втаскивать это дерево на багажную полку. Елка не желала помещаться, тогда Феликс придумал уложить ее на ту полку, что была рядом с котлом, так что ствол дерева отчасти уперся в нагревательный агрегат и перестал скатываться.

– Ох, спасибо, касатик, соколик-комсомолик, – ласково причитала баба, беспомощно придерживая острые ветки сбоку, а потом наконец села на место, предназначенное кондуктору. Занятый углем, тот не возразил.

³ Русский романс «Дорогой длинною», 1926 год.

Когда елка была водружена и все расселись, в вагон зашел высокий мужичина лет сорока, одетый в темное осеннее пальто, воротник поднят, на голове шляпа, надвинутая на лоб, и тоже без чемодана, налегке. Вернув документы после досмотра за пазуху, он медленно двинул по проходу, остановился в середине вагона, снял шляпу и указал ею на беспорядок из газет и жестяной кубок в ногах Белова. От его ледяного взгляда, хмурого непроницаемого лица, заросшего трехдневной щетиной, Феликсу стало не по себе.

Добрую минуту Белов сидел, хлопая глазами, а потом наконец понял этот молчаливо-повелительный жест незнакомца, быстро собрал газеты, освободив проход и скамейку. Мужчина в пальто опустился напротив, посмотрев Феликсу прямо в глаза. И сразу стало ясно, почему его взгляд был таким пронизывающим – разные радужки: один глаз светлый, точно янтарь или нефрит, а второй – непроницаемая агатовая чернота вечного мрака. Феликс только было собрался что-то сказать, даже еще не решил, что, набрал в грудь воздуха, сердце больно стучало по ребрам, но его новый сосед с безразличным видом отвернулся к окну, закрыл глаза и, скрестив на груди руки, откинулся на спинку. Через минуту он спал или делал такой вид. По крайней мере, он даже не вздрогнул, когда с наружной стороны вагона к окну подошла женщина и, сотворив из ладоней козырек, прижала нос к распаренному стеклу, а потом тотчас исчезла.

Он не вздрогнул даже, когда, увидев эту женщину, от неожиданности вскрикнул Феликс.

Последними перед самой отправкой в вагон пытались ворваться гармонист с двумя-тремя шумными запевалами. Но их растолкал вихрастый черноусый парень.

– А ну пшли, вагон полный, зайцы чертовы! – Он втиснулся между ними в тамбур, развернулся и вытолкнул музыкантов наружу, инструмент жалобно застонал и смолк.

– Тебе че, жалко, ниче не полный! – раздалось снаружи.

– А ну исчезни! – Одет в галифе, поверх черной суконной гимнастерки черная кожаная куртка нараспашку. Выглядел он как сотрудник угрозыска. Феликс увидел, как у пояса сверкнула кобура. Совершенно точно, мильтон. И разговаривает, как мильтон.

Издав протяжный свист, поезд покатился. Через минуту в вагон перестал поступать свет с дебаркадера, окна почернели, и все погрузилось в туманный полумрак, который лишь слегка рассеивался единственной лампочкой, что покачивалась под потолком в такт движению состава. Феликс ощутил, как по телу пробежал озноб предчувствия.

Глава 2. Дебют. Уполномоченный МУРа начинает следствие

– Всем оставаться на своих местах! – внезапно этот последний, который вскочил в вагон, когда поезд уже было тронулся, выхватил из кобуры наган.

В это мгновение кондуктор, проверявший документы, подсунул кусок арматуры под ручку двери в тамбур, стуча сапогами, невозмутимо прошелся в конец вагона и точно таким же манером запер вторую дверь у клозета.

– В чем дело? – взвизгнула баба с елью.

– Это что, шутка? – оторвавшись от блокнота, подняла голову, точно сурок в пустыне, девица в красной косынке. – Зачем подпирать двери?

В голосе был протест, а ребячье лицо сияло, будто в предвкушении какой-то веселой авантюры. Она отложила блокнот и расстегнула ворот плаща, обнажив воротник серой юнгштурмовки. Наверное, подумала, что грядет какой-то новогодний розыгрыш.

Феликс не успел осознать, что он почувствовал, когда с двух концов вагона запирались выходы, не понял, боится он или же, как и молодая революционерка, жаждет приключений. Всю жизнь он просидел в своей темной конуре, решая шахматные задачки, впервые совершил выезд из родного города. Он был из тех счастливицков, кто проморгал революцию. Он почти не видел – не стал приглядываться, какие вершились за его окнами перемены, его внимание не увлекли боевые действия, попыхивавшие огнем и взрывающиеся револьверными выстрелами. Он выходил из дома очень редко и не замечал валявшиеся под ногами трупы, он не удивлялся опустевшим магазинам, отсутствию трамваев на улице, ржавым рельсам, невозможности достать дров, хоть и мерз и проклинал холода в послевоенные годы. Он даже не испугался, повстречав однажды знаменитых «попрыгунчиков» в арке дома, в котором располагалась контора его отца. Белые саваны выросли перед ним, точно черти из коробочки, а Феликс лишь кинул косой, недоверчивый взгляд, прошел мимо, оставив грабителей в недоумении. Его тогда и не тронули.

А теперь, побывав в другом городе, он будто очнулся. И тотчас его бросило в эпицентр какого-то события... Хорошо это или плохо?

И он невольно посмотрел на соседа напротив, тот открыл глаза, разбуженный шумом, сделал короткий полуоборот назад, бросил на наган равнодушный полусонный взгляд и едва качнул головой, будто с усталости или досады, но тут же вернул свою прежнюю позу и устремил взгляд в окно, словно ничто его не касается.

– А в чем, собственно, дело, товарищ? – вдруг из-под набросанных в кучу вещей, чемоданов, узлов на скамье напротив грузинской пары и через проход от Феликса поднялся субтильный молодой человек с чуть взлохмаченными после сна русыми волосами, аккуратно стриженными светлыми усами и щеками, покрытыми светлой с заметной проседью щетиной. Феликс присмотрелся к нему. Лицо, как будто слишком юное для седины, не было столь молодым, как казалось на первый взгляд, вокруг рта и глаз пролегли морщинки, на виске рваным росчерком синел шрам от пули, полученный явно еще в революцию. Наверное, он был не то красным командиром, не то отсиживался на баррикадах, но не более – выправка не военная, а вся его поза какая-то чересчур вальяжная.

Феликс перевел с него взгляд на человека с наганом, тот на вопрос проснувшегося пассажира не ответил, даже не посмотрел на него. Облаченный в защитного цвета галифе и черную куртку с поблескивающими капельками растаявшего снега на плечах, стоял он неподвижно, грозно расставив ноги в сапогах, оглядывал каждого пассажира поочередно, пристально, словно взвешивая каждую деталь. Охотников ехать одиннадцать часов в жестком

вагоне набралось лишь десять человек, если не считать его самого и кондуктора, и тех с баяном, которых не пустили.

– Вы кто такой? – возмущенно воскликнул незнакомец со шрамом на виске, и в лице его вспыхнул вызов.

– Уполномоченный четвертой группы московского уголовного розыска Саушкин, – наконец ответил тот.

– А документы есть? Или мы на слово должны верить? – огрызнулся разбуженный, плюнул на ладонь и пригладил непослушный вихор на затылке.

Уполномоченный МУРа стиснул зубы, вынул из нагрудного кармана серую корочку удостоверения. Разбуженный хотел взять, протянул было руку.

– Но, но! – отмахнулся агент, и картонка исчезла за пазухой черной куртки. – Не лапь. В вагоне – преступник. И все арестованы до выяснения.

– То есть как это все? – вырвалось у Феликса так громко, что уполномоченный выронил свое удостоверение, видимо, положив его мимо кармана. Глухо выругавшись, он, не опуская нагана, быстро нагнулся, поднял.

– А вот так, – убирая в нагрудный карман куртки картонку, буркнул он, но Белов успел увидеть внутренность документа, пока тот падал, и даже прочесть некоторые строки – перед ним стоял самый настоящий агент угрозыска.

– Позвольте... – пробурчал Феликс. – Но зачем же всех арестовывать? Разве вы не знаете в лицо того, кого ищите?

Агент угрозыска замялся, револьвер не опустил.

– Человек этот связан с давеча бежавшим австро-венгерским шпионом... – начал он.

– С тем, который служил в Прокуратуре? – опять недоуменно вскричал шахматист, подскочив на месте. – Да что вы!

– Похоже, вы осведомлены тут поболее других, товарищ, – скривился уполномоченный, подходя к нему ближе и протягивая руку. – Ваши документики предоставьте, пожалуйста.

Феликс остолбенел, захлопал глазами, глядя на направленное на него дуло и протянутую грубую мужскую ладонь с почерневшими ногтями. Эта простая просьба казалась означением чего-то, быть может, страшного, а может, и любопытного, но уж совершенно точно – чего-то для Феликса нового. Он добровольно собирался вступить в конфликт, но инстинктивно оттягивал этот момент молчанием. Было боязно.

– Поднимитесь, когда с вами разговаривают, – нетерпеливо повысил голос агент. Рядом стоял кондуктор. В своем черном двубортном пальто и ремнем с бляхой, на которой под перекрещенными топором и якорем имелась надпись «Проводник № 34 Октябрьской ж. д.», выглядел он по-военному угрожающе. Феликс перевел взгляд с его бляхи на серьезно нахмуренное лицо, невольно встал и нервно принялся поправлять воротник шинели и длинные концы шарфа, не зная, на чем остановить взгляд – на дуле направленного на него нагана или на насупленном лице железнодорожного служащего. Настоящий ли он кондуктор, которого привлекли к делу, или же агент, только законспирированный?

– Я... я... – замялся Феликс, нервно поглаживая воротник шинели.

– Документы! – рявкнул уполномоченный.

Белов тотчас протянул ему паспорт и еще какие-то бумаги, которых носил с собой целую кипу, особого значения им не придавая, – просили, вытаскивал все, протягивал, какая-то из бумажек да пригождалась. Движением головы уполномоченный сделал знак кондуктору заняться документами Белова.

– Сядьте! – прикрикнул на него он. Феликс послушно опустил плечи, недоумевающая, почему с ним говорят так грубо, веля то встать, то сесть. Потом ему отдали его документы, и он заерзал, не зная, подняться или остаться на месте.

– Так, откуда знаете прокурора?

Белов невольно опять вскочил, не закончив рассовывать документы по карманам.

– Я уже несколько недель слежу за судебным процессом из прессы. – И показал на ворох газет на своей скамье.

– Сядьте! Ваше имя? – Саушкин нетерпеливо повел наганом в воздухе. Белов хлопнул глазами и сел, уставившись на него снизу вверх.

– Та-ак вы же... вы же только что посмотрели мой п-паспорт?

– Я, может, хочу удостовериться, что он не фальшивый? Поднимитесь, когда с вами разговаривают.

Феликс вскочил, сердце стало неприятно колотиться. Его нарочно путают и пытаются запугать. Что следует делать в таких случаях? Быть непреклонным, как Дантон⁴, или вилять хвостом, как одомашненная лисица?

– А разве советские паспорта бывают фальшивые? – осмелившись, спросил Феликс, но сделал для этого невероятное усилие и тут же зажмурился, ожидая негодования. – Я вот впервые слышу...

– Имя! – грубо прервал его Саушкин.

– Феликс Белов из Петро... Ленинграда я, с Васильевского острова. Живу недалеко от собора Святого Михаила.

– Род занятий? – спросил его Саушкин уже спокойней. У Феликса отлегло от сердца – уполномоченный вдруг дернул ртом в улыбку. Ну совершенно точно же он над ним потешался.

– Е2-е4, – неловко улыбнулся Феликс в ответ.

– Что «е4»? – опять прикрикнул на него уполномоченный МУРа, насупив брови.

– Ну шахматы, – опять остолбенел Белов, не зная, что могло так разозлить служителя закона. Он же только что улыбался! – Я думал, вы догадаетесь... Вы же сыщик! Я шахматист.

– Сыщик, – передразнил его тот. – Прошу отвечать на вопросы ясно, четко и без выкрутасов. Откуда знаете про прокурора?

– Из газет. – И Феликс поднял хрустящую, пахнущую типографской краской кучу разнообразных изданий. – Тут у меня много чего: «Наша газета», «Гудок», «Вечерняя Москва», «Красная Звезда», «Известия административного отдела Моссовета»...

Агент угрозыска, держа наган, осторожно шагнул к Феликсу в проход, черноволосый сосед Белова с разными радужками чуть подобрал ноги и сдвинулся к окну, давая ему пространство для маневра. Уполномоченный сел рядом с Феликсом и стал отшвыривать со скамьи на пол газеты, бубня про себя заголовки.

– А это что? – он сгреб листок с немецкими буквами и ткнул им в нос шахматисту.

– Internationale Presskorrespondenz, – тихо и почти виновато ответил Белов.

– Немецкая газета! – Агент угро опять ткнул в лицо Феликсу газетой.

Феликс, зажмурившись, отвернулся. Было очень неприятно, когда так бесцеремонно тыкали в лицо смятой бумагой, острые концы тонкой страницы царапнули щеку. Он невольно потер ее ладонью таким нетерпеливым, почти детским движением, будто смахивал муху во сне.

– Но ведь это не запрещено – читать немецкие газеты. Немгосиздат работает вполне легально. Представительство находится по адресу Мойка, 76. А само издательство в столице, на Тверской.

– Читать немецкие газеты нынче не запрещено, но весьма подозрительно, – сузил один глаз агент. – В особенности потому, что тот, кого мы ищем, – австро-венгерский шпион.

– Но почему вы говорите австро-венгерский? Ведь Австро-Венгрии больше не существует!

– Вопросы здесь задаю я!

⁴ Жорж Жак Дантон – французский революционер. Казнён во время «революционного террора».

– Нет, позвольте, но это ведь неверно с вашей стороны не знать такого очевидного исторического факта... – Белов чувствовал нарастающую тревогу. – Австро-Венгрии больше нет!

– Зато шпионы ейные остались. И это еще выясняется, чей он будет – австрийский или венгерский. Поэтому пока зовется австро-венгерский.

– Правильнее сказать: из Немецкой Австрии или из Королевства Венгрии. В газетах же пишут: венгерский.

– Какой же ты утомительный! Зачем газеты немецкие читаешь? – рявкнул на него уполномоченный, покраснев до корней волос.

– Я очень безобидный читатель немецких газет, – добродушно улыбнулся Белов. После того как он одержал маленькую победу, стало гораздо спокойнее. – Все, что мне в них нужно, – шахматные задачи.

– Зачем шахматные задачи? Шифровки?

– Нет, что вы! – сделал большие глаза Феликс, но тотчас просиял – в голову пришла любопытная мысль. – Хотя это очень удачная идея – зашифровывать в шахматных эндшпилях какое-нибудь послание. Например, черный конь на d7 угрожает сразу нескольким фигурам – белому слону на e5, белой ладье на b6 и белому ферзю на f8. Это бы значило, что такой-то человек ставит под опасность таких-то трех людей... Но, разумеется, нужно заранее условиться, кого какая фигура обозначает. Это, знаете, как у уличных чтецов мыслей – менталистов – есть свой набор опознавательных знаков, которыми они пользуются, заранее условившись, какой жест будет означать предмет или цвет, который они угадывают...

– Где вы их там нашли, эти задачи? – оборвал его Саушкин, приосанился, вновь перейдя на «вы». – Почему не покупать газеты и журналы, посвященные шахматам?

– Я такие тоже читаю! – оскорбился Феликс. – Вот, поглядите, у меня журнал «64» за все года с собой... За 1924-й вот еще... под названием «64. Шахматы и шашки в рабочем клубе» – потом его переназвали... Вот наш ленинградский «Шахматный листок». – Суетливо он перекаладывал стопки с места на место. – Вы же не станете утверждать, что в журнале «64» печатают шифровки? Ух, как мне понравилась эта идея! – И сокрушенно вздохнул: – Жаль, мне некому составлять тайные послания...

– Тогда на кой черт вам другие, чтоб вас, газеты? – вскричал разъяренный Саушкин, которого абсурдные объяснения Белова начали выводить из себя.

– Видите ли, в чем дело, – начал тот. – Я был очень удивлен, однажды купив «Известия». Там появился целый отдел, посвященный шахматам. С тех пор я скупаю все газеты подряд, в надежде найти в какой-нибудь что-то похожее.

– С какой целью вы прибыли из Ленинграда?

– На Пятый Всесоюзный шахматный турнир, – ответил Феликс и тотчас торопливо вскинул обе ладони вверх, энергично замотав головой, предупреждая взрыв хохота. – Я знаю! Я знаю, что он был в прошлом году! Не смейтесь надо мной. Я опоздал – я это уже понял, – он опустил руки, плечи и голову, понуро вздохнув, – я понял, когда приехал.

– А зачем было ехать просто так? – недоуменно воззрился агент. – Почему было не спросить кого надо, есть ли вообще этот турнир?

– Видите ли, в чем дело, – почесав затылок, Феликс опять завел свою песню. – Я не люблю тратить время на сбор информации. Голову нельзя забивать чем попало! У меня есть теория, что все события цикличны и их можно просчитать. Не читать газет и знать все наперед. Вот поглядите, – Феликс растопырил пальцы и начал их загибать, – первый съезд был в 1920-м, потом в 1923-м, потом в 1924-м и 1925-м. Значит, что?

– Что?

– Что пятый должен был быть в ноябре 28-го.

– Ваша теория – полная чушь, – осклабился агент угрозыска, покачав головой.

– Нет, – по-детски наивно улыбнулся Феликс. – Одна ошибка – еще не значит, что теория чушь. Мне не хватило данных. Я очень пристально слежу за всеми экономическими новостями – все мероприятия зависят от экономической стабильности, которую тоже легко просчитать. Так я с точностью до копейки могу вычислить цены на сахар, хлеб...

Уполномоченный МУРа вскинул руку, останавливая его.

– То есть газеты вы читаете? Про экономику там и все такое... Про австро-венгерского шпиона прочли, московского бывшего губпрокурора... Почему нельзя было из газет узнать, есть ли шахматный съезд? – Он готов был взорваться от непонимания.

– Это только в Москве со скуки я стал читать газеты – ну то есть вообще все, что в них пишут, не только про шахматы и про экономику. Если бы и раньше все подряд читал, то умер был от мозговой горячки. Вы что! Много газет читать нельзя, – предостерегающе поднял палец Феликс. – Надо уметь выбирать. Я вот читал-читал, и к чему это меня привело? Увлёкся процессом над Ольгой Бейлинсон – любовницей этого венгерского шпиона, который еще и бывший губернский прокурор! И попал в этот поезд, где среди пассажиров прячется его сообщник... – Он сделал паузу и обернулся назад, посмотрел на девицу в драном кожаном плаще, насупившуюся и глядящую на уполномоченного как на врага народа. – Наверное, не случайно.

Девушка развернулась боком и закинула локоть на спинку, слушала, презрительно искривив губы. Феликс вздохнул и стал приводить свои многочисленные запасы газет в порядок.

– Я вам врать не стану, – бормотал он. – Зачем врать, когда можно делу помочь, коли случай занес. И я очень хорошо изучил все детали судебного процесса. И готов оказывать следствию всякую посильную помощь. Я же вижу, сколько следствием всего ценного не учтено. Это заметно только со стороны. Ведь вам нужно вычислить его сообщника, так?

– Откуда вам знать, что не его самого? – уполномоченный прищурился.

– Влада Миклоша? Ну так... – Феликс окинул вагон удивленным взглядом, заметив, что не только девушка в плаще, но все пассажиры следят за ними с настороженным вниманием, и чуть этим возгордился. – Так ведь его самого нет среди нас. Это невысокий человек лет сорока с копной черных волос с проседью...

Он вдруг уронил взгляд на соседа, сидящего в расстегнутом осеннем пальто с поднятым воротником. Тот искоса наблюдал за Феликсом своим демоническим двуцветным взглядом. Волосы у него были как раз черные с проседью, взлохмаченные, неприлично отросшие, прикрывающие лоб и правый глаз – наверное, он прятал свою гетерохромию, стеснялся ее. Лет ему было аккурат чуть больше сорока. А во взгляде – будто все тайны всех разведок Европы и Америки разом. И рот неприязненно стиснут.

Пауза затянулась. Феликс смотрел на него слишком долго, замерев с газетами в руках. Пусть бы он уже что-то сказал. Господи, как спасти ситуацию?

– Что вы так уставились? Решили, я – Влад Миклош? – спросил сосед со странным взглядом, насмешливо вздернув бровь.

– Нет, раз уполномоченный МУРа Саушкин не бросился сейчас вязать вас, – нашелся Белов. Ответ получился достойным, и Феликс, расправив плечи, продолжил:

– И вы... Вы выше ростом! И... и у вас радужки разного цвета – это очень явная примета. Вас бы не взяли в разведку. Вы работаете в научном учреждении – на пальцах чернила, но кожа выбелена, значит, часто пользуетесь формалином. Вы патологоанатом, приходится много писать отчетов и дезинфицировать руки после вскрытий. У вас есть ребенок, девочка – я вижу, что пуговицы к пальто пришиты детской рукой. Вы женаты... были женаты совсем недавно, но что-то случилось... Она ушла? О, неужели умерла? Вы носите приличный костюм, но он уже месяца два как нуждается в чистке...

– Довольно! – гаркнул вдруг побелевший Саушкин.

Феликс повернулся к уполномоченному. Нет, теперь он показывать своего страха не намерен. Теперь игра началась. Довольно передвигать пешки, пора выводить коня и делать рокировку.

– Вы явно знакомы, – произнес он глухим, серьезным голосом. – Это патологоанатом... стало быть, судебный врач, значит, приглашенный ОГПУ из института имени Сербского. Я прав?

Агент угрозыска замахнулся на него, заметно нервничая и часто поглядывая на черно-волосого соседа, сидящего напротив.

– Пусть продолжает, – лениво переплел руки тот и сел удобней. Феликс развернулся к нему и повторил его позу, точно так же скрестив на груди руки и закинув ногу на ногу.

– Вы можете быть только тем судебным психиатром, который выступал в суде. Вы профессор Константин Федорович Грених? Ваше имя часто появляется в газетах... – Феликс запнулся.

Не получилось. Не получилось долго смотреть ему в глаза... Руки расплелись будто сами, нога сползла с ноги, и запылало лицо. Он действительно действует магически.

– Bravo! – по лицу Грениха скользнула усмешка. – Это был блестящий пример дедукции. Так меня еще никто не представлял.

– Я слышал, – начал смущенно Белов, впившись пальцами в край скамейки и заерзав на ней, – вы владеете большим количеством всяческих техник гипноза. Это правда?

– Правда, – ответил профессор. И он очень галантно склонил голову, будто был лордом и они сидели сейчас не в жестком вагоне, а в каком-нибудь почтенном лондонском клубе, в мягких креслах и в окружении высоких полок с книгами.

– Белов, – протянул руку шахматист, – Феликс Петрович. Но для вас просто Феликс. И простите, что был, кажется, резок... Я по-другому не умею проявлять восхищения.

Грених принял рукопожатие с уважением. Рука у него была худая, жилистая, а пожатие тяжелое, пальцы стальные, Феликс чуть не привзвизгнул, ощутив, как в его мизинец вонзилась тысяча острых игл, по лицу скользнула судорога.

– Я весь в вашем распоряжении, – не отрывая восхищенного взгляда от профессора, выдохнул он, но не сдержался, выдернул руку, едва тот ослабил пальцы. – Вы ведь здесь как бы... э-э расследуете дело о Миклоше? Это невероятная удача, что я сел именно в этот вагон. Неспроста так долго выбирал. Я хотел бы присоединиться. И готов обратить всю свою наблюдательность на благое дело!

– И это говорит человек, который приехал на шахматный съезд, опоздав на целый год, – фыркнул Саушкин.

Но Феликс потерял интерес к уполномоченному угрозыска – он в этой игре был всего лишь пешкой. Феликс продолжал пожирать взглядом того, кто занимал его ум вот уже которую неделю подряд. Все же избегая смотреть в глаза и испытывая неуютное чувство, что вступает в сделку с дьяволом.

Этот человек из института судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского, сокращенно ИСПЭ, был просто колдуном каким-то. В ИСПЭ направлялись все заключенные по постановлению судебных учреждений для испытания душевного состояния. И Грених занимал там должность старшего судебного эксперта и заведующего патологоанатомической лабораторией, а с недавних пор стал заместителем заведующего. Профессора он получил еще до революции, в Московском университете изучал судебную медицину, нервные и психические болезни, работал в психиатрической больнице, изобрел гипнотерапевтический метод лечения, с помощью которого теперь развязывал языки особо опасным преступникам. Профессора боялись, им пугали в тюрьмах. Об умении его вводить человека в состояние прострации по щелчку пальцев и видеть всякого насквозь ходили легенды, а на его практических курсах яблоку негде было упасть, студенты не пропускали ни одного занятия Грениха. Длинные очереди желаю-

щих попасть в секционную комнату, где он вместе со своей красавицей-ассистенткой показывал чудеса на трупах, заполняли лестницы и коридоры. Белов ходил, видел сам. Грених определенно был самым необычным сотрудником ИСПЭ. Одни про него говорили, что ему открылись какие-то волшебные тибетские или индийские тайны, другие – что он из «бывших» и его собирались расстрелять во времена красного террора, но по какой-то причине оставили в живых, третьи, что он воевал в Гражданскую войну на стороне красных. А физиономия у него была совершенно не советская, непритворно говорящая «не нравится мне ваша революция, и вообще – ничего мне здесь не нравится». Интересно, а он играет в шахматы? Если да, наверняка недурно.

– Итак, что же вы почерпнули из судебного процесса? – спросил профессор, ответно вглядываясь в шахматиста изучающим взглядом. Глаза его: один – черная бездонная пропасть, другой – зеленый, точно змеиный, скользили по Феликсу, как X-лучи рентгеновского аппарата. И цвет его глаз менялся в зависимости от душевного состояния. Когда профессор вошел в вагон, его радужка была обычного темно-карего цвета, а гетерохромия совершенно незаметна. По мимике легко считать то, какую стратегию задумал игрок – отдает пешку или слона по глупости или задумал хитрую комбинацию с целью завлечь в ловушку.

– Во-первых, я хотел бы обозначить свою позицию... – начал было Белов, но его тотчас прервал Саушкин.

– Константин Федорович! Мы теряем с ним время. Нам бы других прощупать...

– Прощупаем, куда никто не денется ближайшие десять часов, – ответил Грених, продолжая испытующе смотреть на Феликса. – Может, товарищ Белов свежим взглядом заметил какие-то детали в нашем деле. Давайте слушаем. Человек в шахматы играет, кажется, неплохо, вон, взял первое место в каком-то клубе. Зачем так сразу крест ставить?

Вдруг в конце вагона началось какое-то движение. Белов сидел спиной, пришлось обернуться. В проходе протискивалась девица в красной, сбившейся слегка набок косынке.

– А ну мне покажь свою цидулку, хочу посмотреть, настоящий ли ты угро. – Она очень уверенно потянулась рукой к куртке уполномоченного, сидящего рядом с Гренихом.

– Сядь на место! – гаркнул тот. И поднялся, сделав на нее шаг, выставив наган.

– А не сяду! – сделала она ответный наступательный шаг. – Пока не докажешь, кто ты есть такой и чьих будешь. Чего ты к нему пристал? То сядь, то встань, то сядь, то встань! Совершенно страх потерял? Думаешь, назвался угро, все можно? Только порочат светлое имя советской милиции! Врываются, качают права, понимаешь. А прав-то нет. Хошь? Застрели! – Она выпятила грудь, распахнула драный плащ, окончательно обнажая серую юнгштурмовку, защитного цвета юбку в складку длиной до колен и грубые мужские ботинки. Она была такой хрупкой, маленькой, но такой нахохлившейся, решительной, отважной, что дух захватывало. Настоящая революционерка, каких Феликс не видал никогда, разве только на плакатах. И этот черный в прорехах плащ, сбитый фалдами назад, и эта красная косынка на стриженных волосах, и пламенный взгляд... Она уткнула кулаки в худые бедра и выставила одну ногу вперед, будто сейчас пустится в пляс. Глаза ее горели, как у человека, который непременно хотел конфликта. Белов испугался, что девушку застрелят, – он знал, какие бывают мильтоны беспощадные звери. Когда он становился свидетелем того, как порой жестоко обращались люди друг с другом, жить не хотелось, с трудом потом приходил в себя, выкорчевывал из головы воспоминания с кровью, сбегая в черно-белый мир шахмат, застревая в нем надолго, до тех пор, пока его оттуда ором и угрозами не вытрясет отец.

Белов, вдруг провалившись в душную воронку воспоминаний, вздрогнул, изо всех сил потер щеки и взлохматил волосы, чтобы прийти в себя.

– Простите, но зачем целиться в даму? Опустите, пожалуйста, пистолет, – беспомощно начал он.

– В кого? – Девица так резко развернулась к Феликсу, что тот вжал голову в плечи.

Она смерила его сверху вниз веселыми глазами.

– Даму? Это ты меня дамой назвал, Шерлок Холмс? Думаешь, ты этого, – она ткнула перепачканным чернилами пальцем в Грениха, – вычислил, потому что умный? Да он с газет не сходит! Давай сейчас проверим, чего ты стоишь? Вот что ты про меня знаешь, а? Ну? Смотри, у меня руки тоже в чернилах. На, читай по ним, цыганка. Молчишь? Глаза лупишь? Не знаешь меня!

– Ну могу и про вас сказать, – осмелел Белов. Он опять взлохматил волосы, взвешивая, с чего начать. Надо было себя реабилитировать. – Вы с т-товарищем Саушкиным тоже знакомы, вы... сотрудница угро. Вот! Но только вас никогда не берут на дело. А вы хотите, поэтому этот плащ носите, мечтая мчаться по мостовой, стреляя в убегающего врага народа. Сегодня – то ли исключение, то ли первый раз. А всегда торчите в конторе и занимаетесь протоколами и отчетностью. Оттого и руки в чернилах.

Выпалив это прямо ей в лицо, он ожидал какой угодно реакции, но не той, что последовала. Девица рассмеялась. Звонко, хлестко, так заразительно, что ее смех подхватил весь вагон, куда-то пропала ее хрипота. Глазами улыбался даже Саушкин. А у профессора Грениха чуть дернулся уголок губ и потеплел взгляд.

– Ах, какой наблюдательный, ха-ха-ха, – смеялась она. – Мчаться по мостовой, стреляя в убегающего врага? Ха-ха-ха.

– Я наблюдательный! – Брови Феликса от обиды взлетели вверх. Он был абсолютно уверен, что не ошибся!

– Нет, ни черта ты не наблюдательный, – смеясь, возразил Саушкин. – Такие экземпляры в угро не служат.

Девица перестала хохотать, бросив на уполномоченного тяжелый взгляд, наклонилась к скамье, заваленной газетами, и стала их разбрасывать по сторонам. Найдя какую-то статью с фотографией профессора Грениха, она подцепила газетный лист двумя пальцами и демонстративно показала его пассажирам.

– Вот, полюбуйтесь, судебный процесс над Ольгой Бейлинсон. Беспрецедентный случай применения гипноза прямо в зале заседаний. Граждане разделились на два лагеря: те, кто верят ее словам, и те, кто считают ее признание игрой. Она с восемнадцатого года его покрывала, своего любовничка-атамана. Сначала в своей усадьбе, потом когда переехала в Москву! Таких женщин я лично глубоко презираю. По-тас-ку-ха! – И она сплюнула прямо под ноги Феликса. – А профессор Грених – заинтересованная сторона. Его дочь и сына этой потаскухи связывает дружба. Он пытается спасти себя от позора связи с врагами народа!

Ее палец сделал быстрое движение в сторону Грениха, и на миг она так сильно стала похожа на работницу с плаката «Все в общество «Долой неграмотность!»», что Феликс невольно задался вопросом, а не с нее ли художник писал портрет.

Вторая рука ее, в которой она держала газету, сжалась в кулак. Она с хрустом смяла лист и бросила его в агента угрозыска. Прямо в лицо. Тот, зажмурившись, уклонился, но комок желтой бумаги, испещренный черными литерами, все же угодил ему в переносицу.

Вот это номер! Удивились все – даже непроницаемый и непоколебимый Грених. Его лицо заметно изменилось, вытянулось, стало белым, а на середине лба обозначилась глубокая морщина, горизонтально убегающая под черно-серебристую прядь волос.

Уполномоченный Саушкин замер столбом. Феликс мог поклясться, что в его глазах потемнело, и на несколько секунд он потерял способность видеть и чувствовать. Девица в косынке, подняв руку, собиралась было что-то еще добавить, но Саушкин с размахом ударил ее ручкой нагана в скулу.

Феликс успел лишь увидеть, как она схватилась за щеку, ахнула, тотчас отлетев назад. Так как, говоря свою обличительную речь и все наступая на Саушкина, она оказалась дальше скамейки Феликса, то, когда падала, он успел подхватить ее под мышки и инстинктивно оття-

нул на свое сиденье. С ужасом он заглянул ей в лицо – от уха к подбородку во всю длину скулы расцвел сине-лиловый кровоподтек.

Девушка, видно, была не из пугливых. Тотчас она оттолкнулась сильной рукой от скамьи, другой отодвинула от себя шахматиста.

– Я, кажется, не представилась! – сказала она, подойдя вплотную к агенту угро. Она встала к нему так близко, задрала голову, что Феликс почувствовал, как от страха у него стало звенеть в ушах.

Минуто они стояли, как два боевых петуха, лоб ко лбу, нос к носу, кулаки сжаты.

– Ефимия Стрельцова – корреспондент газеты «Комсомольская правда», – скривилась странная девушка. – Сдачи давать не буду. Хотя у меня тоже рука тяжелая, такую зуботычину отвесить могу – отлетишь в конец вагона. Жалкий ты, товарищ, давишь форсу перед женщиной – порочишь советскую милицию. – И она, отойдя на шаг, опять презрительно сплюнула, но теперь к ногам уполномоченного.

Он смотрел на нее с ненавистью, губы презрительно поджаты, от напряжения чуть подрагивал небритый подбородок.

– И угораздило же меня попасть на этот поезд! Что здесь вообще такое затеяли? – скривила она лицо еще сильнее. – Зачем этот гипнотизер? Нет, что-то недоброе затеяли, чуйка мне подсказывает. Так советская милиция не работает! Советская милиция лица своего не прячет!

Тут в конце вагона поднялся человек с бровями Пьеро и в фуражке с черным околышем без опознавательных знаков. Стрельцова, сделав полуоборот, бросила на него взгляд. У Саушкина сделалось такое лицо, будто он сейчас повалится в столбнячном обмороке. Он вытянулся по струнке и позеленел.

– Заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ, – человек в фуражке ткнул ей в лицо красную картонку, распахнутую на той странице, где красовалась фотография, – Агранов Яков Саулович. Удалось прояснить ситуацию?

Говорил он приглушенным, едва слышным голосом с видом человека, которому незачем надрываться от крика, чтобы быть понятным.

Феликс инстинктивно взял ее за запястье, понуждая сесть. Но Ефимия Стрельцова резко высвободила руку, молча прошла вперед, обогнув Агранова, на него не глядя, и шлепнулась на скамью позади Белова. Тот приподнялся, следя за ней взглядом. Рука ее потянулась к лицу, точно только сейчас она почувствовала боль. Прикрывая щеку, она с ненавистью уставилась на уполномоченного, перевела свой полыхающий взгляд на Агранова, а потом посмотрела на Белова.

– Чего зенки выпялил? – шикнула она.

Феликсу сделалось не по себе – в вагоне даже как-то душно стало. Он сел и отер потные руки о брючины на коленях.

– Довольно сцен. Всем вынуть документы, – раздался тихий повелительный голос заместителя начальника Секретного отдела.

Все тотчас покорно зашевелились. В ушах Феликса продолжало звенеть от напряжения и страха, но потом звуки расщепились на перешептывания соседей и грохот колес едущего поезда. Феликс смотрел на этого невысокого мужчину с мягким тонкогубым лицом, на его чуть приподнятые, как у Пьеро, брови, а в мыслях не к месту возникло – почему грохот колес сейчас так отчетливо слышен, будто кто-то нарочно включил его, как патефонную пластинку. Иногда совершенно вылетало из головы, что они все еще едут в поезде...

Все погрузились в поиски документов – стали похожи на черепах, спрятавших лапы и головы в панцирь. Соседка-грузинка наклонилась к многочисленным узелкам, с ее головы слетел картуз, обнажив блестящую черную косу, упавшую на плечо, – длинная, как змея, она легла на грудь и кончиком коснулась колена сидящего рядом с ней мужа. Феликс обратил внимание на странное выражение его лица – светловолосый и светлоокий грузин окаменел, смотрел

перед собой как истукан, глаза круглые, губы посиневшие. Через секунду он все же пришел в себя и нетвердой рукой полез за пазуху.

– Документы все собрать, всех обыскать, оружие изъять. – Этот тихий повелительный голос заставил грузина вздрогнуть. На виске его забились жилка, на скулах вспыхнул малиновый румянец и выступили крупные, как горошины, капельки пота.

Уполномоченный поднял наган, видя, что присутствие начальника всех сделало разом смиренными, прошелся по проходу, повелев кондуктору, как служащему железнодорожного ведомства, шарить по карманам в поисках оружия. Забирая удостоверения, монотонным, равнодушным голосом Саушкин задавал один и тот же вопрос:

– Причина поездки?

Почти у всех она оказалась на удивление одинаковой – празднование Нового года в Ленинграде с родственниками. 1 января – выходной. И только Стрельцова отличилась. У нее имелся бесплатный разовый билет, выписанный ей по заданию газеты, она должна вернуться с репортажем о том, как прошла встреча Нового года в бывшей столице – о чем с неохотой и чуть шепелявя, из-за того что продолжала держать ладонью щеку, сообщила девушка, глядя не на Саушкина, а на кондуктора, очевидно, считая, что смотреть на своего обидчика – ниже ее достоинства.

– Не пройдет и года, этот нелепый праздник станет рабочей будней, – поучительно заметил ей Саушкин, в голосе сквозило торжество, мол, знай свое место.

– Так не говорят! – огрызнулась девушка, вскочив и попытавшись отобрать у него паспорт и билет. Но уполномоченный вовремя отвел руку.

– Ну-ка, ну-ка, тишь.

– Так не говорят, дурень, – стала набрасываться она на ухмыляющегося уполномоченного, как маленькая левретка на овчарку, и все тянулась за документами. Косынка с ее головы слетела, обнажились короткие, как у юноши, пшеничного цвета пряди волос. – У слова «будни» нет единственного числа. Сколько классов ты кончил? Четыре? Мильтон паршивый! Собака безграмотная! Все вы там на один аршин. И начальства я вашего не боюсь!

– Сударыня, пожалуйста. – Шахматист нервно вскочил и потянул руку, загораживая девушку собой. И уже так вылез на территорию ее скамейки, что еще чуть-чуть, и свалился бы к ней, упав вверх тормашками.

– Никакая я тебе не сударыня, – толкнула его корреспондентка, возвращая на свою сторону. – Чего лезешь, интеллигенция недобитая. Я сама за себя постоять могу!

Саушкин, ухмыляясь, спрятал ее паспорт и пошел по ряду дальше, продолжая собирать документы. Феликс с удивлением заметил, что сидящий напротив него и невозмутимо наблюдающий сцену схватки сотрудницы газеты с сотрудником угрозыска профессор своих бумаг тому не отдал. Значит, он и вправду на стороне допросчиков.

– Позвольте! – Белов поднялся. – Я все же хотел бы продолжить... Мы все здесь по причине... по какой-то нелепой причине, связанной с делом о венгерском шпионе Миклоше... Зачем тянуть резину и нагонять попусту таинственности? Давайте просто честно признаемся...

Саушкин, не обращая на него внимания, встал спиной, продолжил допрос, обратившись к чете, сидящей от Феликса через проход. Грузин негромко назвал имя и было собирался представить жену.

– Она пусть сама за себя ответит, – жестко осадил его уполномоченный.

Изнывающий от любопытства Феликс Белов пытался наблюдать за ними, выглядывая то с одной стороны стоящего к нему спиной Саушкина, то с другой. Черные фалды куртки и широкие ушки галифе отчаянно мешали обзору.

– Лидия Моисеевна Месхишвили, 1900 года рождения, – от испуга едва слышно ответила черноволосая красавица, вскинув на грозно нависшего над ней сотрудника большие глаза,

опушенные густыми ресницами. Она подняла с колен свой картуз и натянула его чуть ли не до самого носа. – Едем к маме, к моей маме...

– Вольф Семен Осипович, 1903 года рождения, – вяло буркнул полулежа юноша с немолдым лицом и синим пулевым росчерком на виске. Во взгляде его плясали огоньки задора, уголки сухих губ подрагивали, то и дело порывалась на его небритое лицо пробиться сквозь маску заспанности и равнодушия ехидная ухмылка человека, задумавшего хитрость. – Член редакционной коллегии газеты «Правда».

– Поднимись, когда с тобой разговаривают. Тоже мне развалился, халиф-султан, – фыркнул уполномоченный. – Документы!

Тот поднялся с забросанной узелками и сумками скамьи, с неохотой подал паспорт, студенческую книжку, билет на поезд, вынимая бумаги по одной, очевидно, чтобы заставить уполномоченного понервничать. Отдав все, он засунул руки в карманы брюк-галифе, оттопырив локти и фалды чуть замятого коричневого твидового пиджака. Под пиджаком у него был изжелта-белый свитер, вязанный английской резинкой, с высоким, под самый подбородок, воротником. Роста он оказался невысокого, ниже, чем Саушкин, узкоплеч, но вид имел не менее грозный – стоял, деловито покачиваясь с пяток на носки.

– Вещи ваши? – махнул головой в сторону тюков уполномоченный, разглядывая паспорт.

– Не-а.

– Это наше, – мягко встряла грузинка. – На полках места не хватило...

– Переезжаете?

– Нет, кое-что возем родственникам в Ленинград, гостинцы, по мелочи.

– Это пока я оставлю у себя. – Саушкин перевел взгляд на Вольфа и вскинул руку, меж средним и указательным пальцами, точно игральные карты, были зажаты его документы. – Уж больно подозрительно – до сих пор студент, но уже работает в газете. Да еще в какой – в самой «Правде». Еще вернусь к этому вопросу, прошу не расслабляться, сидеть и помалкивать.

Вольф равнодушно пожал плечами, сел. Уполномоченный шагнул к закутку с котлом, у которого жалась баба с елкой – назвалась она дежурной по вокзалу Марией Шибаевой.

Возвращаясь к другому концу поезда, Саушкин еще раз окинул Белова подозрительным взглядом, прошел было мимо, но обернулся, посмотрел на Вольфа, двинул дальше.

Пожилой лысоватый мужчина, что зашел в енотовой шубе, назвался доктором Виноградовым. У него были аккуратная эспаньолка и усы, густые седые брови и выдающийся нос. Как оказалось, работал он в Лечсанупре, главврачом Кремлевской поликлиники и являлся лечащим врачом многих партийных работников. Этого человека Феликс тоже видел в газетах – Виноградов хорошо знал губпрокурора Швецова и выступал в суде над Ольгой Бейлинсон в качестве свидетеля. Первая мысль, что посетила Белова, – ну вот же, совершенно очевидно, этот доктор – тот, кого ищет ОГПУ, но все было гораздо сложнее и запутанней. Когда зазвучал грудной, спокойный, благородный голос Виноградова, Даниэл Месхишвили обернулся и, тяжело упершись в колено кулаком, сверлил его взглядом, полным ненависти, казалось, в светлых глазах грузина то и дело вспыхивает молния. Феликс отметил, что и они были знакомы. Цепь удлинялась.

Следом представился писатель Борис Пильняк – надо же, в вагон попал кое-кто из знаменитостей! Весьма подозрительно: известный писатель, и вдруг в жестком вагоне – неспроста. Феликс впился в Пильняка изучающим взглядом, когда тот, отстреливаясь короткими, напряженными ответами на вопросы уполномоченного, опасливо поглядывал на замначальника Секретного отдела. Пильняк был высок, очень похож на немца со своей рыжеватой шевелюрой и круглыми маленькими очками, сказал, что он глава Союза писателей.

За ним сидел представившийся заведующим ревизионной комиссией «Мосторгсилката» Греблис, с черными усами щеточкой и блестящей лысиной под черной фуражкой. Латыш из него был так себе, скорее – еврей.

Когда уполномоченный допрашивал его, писатель прервал разговор и стал внезапно настаивать, чтобы Саушкин попросил у Стрельцовой прощения. К удивлению, Борис Пильняк заставил уполномоченного сконфузиться. Не зря писатель, за словом в карман не лез – наговорил ему в адрес его поведения целую гору нелестных слов, попенял на безграмотность, ткнул носом в отсутствие такта. Все это происходило, разумеется, с молчаливого согласия того – с бровями Пьеро из ОГПУ. В конце концов Саушкин повернулся к девушке – но не сильно, вполоборота – и буркнул через плечо совершенно неразборчивое извинение. Журналистка шмыгнула носом, проведя под ним кулаком, покраснела, как свекла, пробормотав в ответ: «Да что уж там, я же не знала, что дело серьезное». И дознание продолжилось.

Феликс видел, что творилось что-то странное среди пассажиров, в вагоне повис какой-то смог, вместо простого людского недоумения в глазах горело напряженное ожидание, точно все они уже наперед знали свою участь. Кроме Стрельцовой – она просто злилась.

Когда был задан общий вопрос – знаком ли кто с бежавшим губпрокурором Швецовым, напряжение стало расти. Сидящий в самом конце вагона замначальника Секретного отдела снял фуражку, выставил ногу в проход и, уронив локоть на колено, зорко следил за каждым, кто давал свое короткое «нет». Виноградов сознался, что был знаком, и, к великому сожалению Белова (тот ведь хотел сам!), поведал о своем участии в судебном процессе. Греблис скучающе смотрел в окно. Профессор Грених следил за всеми присутствующими, поглядывая из-под упавших на глаза спутанных волос.

Только было в его лице какое-то неуловимое горе, пустота во взоре. Он неохотно переводил взгляд – тяжелый, пронизывающий до костей – с одного допрашиваемого на другого, слушал их, но думал все же о чем-то своем и явно находиться здесь не желал. Может, ему не столь интересен исход операции, задуманной ОГПУ? Феликс замечал, что порой по его лицу пробегала едва уловимая судорога, точно при зубной боли, – так бывает, когда в мысли врывается непрощеное воспоминание.

Увлечшись личностью профессора, будучи в Москве, Феликс случайно узнал о несчастье, которое случилось с его женой. Слухи были неточными, но печальными. Приходилось только гадать, по какой же причине профессор порой морщится, закрывает глаза, нервно проводя по ним рукой, точно отгоняя тяжелые думы, почему с таким трудом ему приходится возвращать себя – выдирать – в сумеречную действительность из этих дум.

Было уже далеко за полночь, за перебранкой и допросом все дружно проморгали наступление нового, 1929 года, треть пути была благополучно преодолена. В черные прямоугольники окон били бесцветные тире и точки метели, иногда проезжали деревни, и вдали мерцали огни-окошки. Поезд убаюкивающе качало, мерно постукивали о рельсы колеса, чуть помигивая, светила единственная лампочка.

В минуту всеобщего молчания, когда допрос вставал в тупик, доктор Виноградов доставал луковицу часов на цепочке, и тишину нарушал сначала один щелчок, потом другой – это он открывал их, а потом закрывал. За вторым щелчком всегда следовал протяжный вздох.

– Ну вот, три четверти второго. Почти два часа как наступил новый год, – проговорил он устало. – С Новым годом, товарищи! С новым счастьем!

Сказано это было совершенно не празднично. И на его поздравления ответили долгими и горькими «Э-эх!», никто не нашел в себе ни сил, ни смелости подхватить новогодний клич. Какой уж там Новый год, когда по прибытии в Северную столицу всех ждали холодные и сырые коридоры ленинградского угро.

Феликса снедало нетерпение. Дело могло разрешиться гораздо быстрее, если начать разбирать его прямо сейчас. Неужели он зря весь месяц собирал по крупице сведения о Владе Миклоше? Чтобы, попав в центр событий, связанных с ним, трусливо отмалчиваться? В застенки угро совсем не хотелось.

– Мы так и не сдвинемся с мертвой точки, если не объяснить всем присутствующим, кто такой этот Миклош, – напомнил он.

Саушкин резко обернулся к нему.

– Я попросил помалкивать! – топнул ногой он, будто хотел припугнуть, как это делают с маленькими детьми.

– Но какой в этом толк? – напрягся Феликс – было вполне ожидаемо, что его не станут слушать, но вступился Грених.

– Пусть уже скажет, – проронил он с ленцой. И Феликс почувствовал, что сейчас лопнет от удовольствия и нетерпения.

– Этот человек родился в Венгрии, – не дожидаясь, когда ему позволит уполномоченный, выпалил он и посмотрел на Грениха, одновременно прося дозволения продолжить и молча спрашивая, верно ли он говорит.

Тот слегка кивнул, и Феликс тотчас расценил это как приглашающий к дискуссии жест, поднялся, оправил воротник шинели, пригладил под ней твидовый пиджак и продолжил:

– Его отец – бывший военнопленный – изменил свою фамилию на Миклушин, а был прежде в австро-венгерской армии капитаном кавалерийского полка, из мелкопоместных дворян, с севера Венгрии, перешел на сторону Красной Армии в 1917-м.

– Из тех, которые пытались слиться с русскими, стало быть, – сипло заметила Стрельцова, бросив на Феликса косой недобрый взгляд, но уже без особой ярости. После извинений Саушкина она, кажется, чуть подобрела.

– Да, – кивнул Феликс. – Но речь не о нем. А о его сыне, который с младых лет прожил в России, служил в Охранном отделении, работал и на царский режим в известной манере – занимался подлогами, доносами...

– Позвольте, позвольте... – прервал его студент-журналист Вольф, закинув ногу на ногу. – Охранка? Я вот тоже слежу за этим процессом довольно давно, даже выпустил пару статей о Владе Миклоше. Но о том, что он служил в охранке, я не слышал. Откуда такие сведения, уважаемый?

– Как же? – покраснел Феликс, ощутив, как страх ошибиться захлестнул горло. Не хватало, чтобы он сейчас, когда ему наконец дали слово, опять опростоволосился. Он кинулся к газетам, начал в них рыться, суматошно вскидывая страницы, пролистывая издания от титульного листа до самого конца. – Как же, как же... где-то ведь было... сейчас, одну минуточку.

– Пока наш шахматист ищет, где он допустил ошибку в своем дебюте, я продолжу, – самоуверенно заявил Вольф, в отличие от Феликса он остался сидеть. – Влад Миклош воевал в мировую войну по поддельным документам. Потом присвоил чужой паспорт и с новым именем отправился вершить свои наполеоновские планы в Рязанскую губернию. Там он тайком от красных собрал отряды дезертиров и встал лагерем в усадьбе помещицы Бейлинсон, ныне судимой за потворство иностранному шпиону. Все считают помещицу его любовницей. Впрочем, она очень даже хороша собой, почему бы и нет. Будучи одновременно начальником рязанской губчека и самым настоящим соловьем-разбойником, наш венгерский друг беспрепятственно грабил земли в районе речки Ярославки, умело выдавая свои грабежи за налеты красных. Ходят слухи, что в подвале он держал нескольких пленных красногвардейцев, в том числе и одного командира ревкома, о котором на судебном процессе заявила обвиняемая, Ольга Бейлинсон. Правильно я рассказываю, профессор Грених?

– До сих пор все верно, – кивнул тот.

– И значит, этот краском по молодости своей и глупости, не зная, с кем связался, выписал Владу Миклошу бумагу, в которой заверял рязанский губисполком в том, что такой-то Швецов – честнейший из людей, большевик, готов жертвовать жизнью, чтобы договориться с разбойниками, обещает отправиться в стан атамана и просить его перейти на сторону красных. Все поняли, о чем речь? Он пообещал, что Миклош договорится с собственным отрядом

дезертиров! – Лицо члена редколлегии газеты «Правда» из насмешливого стало вызывающим, на виске вздулся шрам.

– А откуда ты это знаешь? – встряла Стрельцова, которой стало интересно, она даже придвинулась поближе к Вольфу и перестала тереть свою посиневшую щеку.

– Бывал на заседаниях суда. Бейлинсон сама об этом рассказывала.

– А где эта бумага, которую выписал краском?

– Почему я знаю? – фыркнул Вольф.

Феликс, бубня себе под нос, терзал газетные листы в поисках, где он вычитал – совершенно точно, он же это помнит, как сейчас! – про службу Влада Миклоша в охранке.

– А где этот командир? – не унималась любопытная Стрельцова.

– Когда бумага была написана, краском – молодой, зеленый, несмышленный, веровавший в революцию, как его нянька в архангела Михаила, – был отправлен в винный погреб сей усадьбы. И никому не ведомо, выжил ли он или сгорел заживо. Отряды начальника губчека, который смело может зваться Фигаро – слугой двух господ, ворвались в усадьбу и сожгли ее дотла.

Феликс, лишенный минуты славы, сидел насупившийся.

Воцарилась странная тишина.

– И все же откуда ты это узнал? – Стрельцова придвинулась еще ближе.

– Откуда надо, – фыркнул Вольф.

– Ты говоришь слишком... так, будто был там! Или, может, ты и есть тот краском, которого жестоко обманул этот иностранец? – сузила глаза Стрельцова.

Вольф смерил ее строгим взглядом.

– Так ты или нет! – повысила она голос. – Чего таинственности нагонять?

– Нет, не я, – насмешливо скривился Вольф, откинув со лба прядку, вздернул подбородок со светлой щетиной. – К сожалению, я для того парня слишком молод. Мне было всего пятнадцать в кровавом восемнадцатом. И не смотрите на мои седые виски и морщины – это следствие лишений, пережитых в слишком юном возрасте.

Феликс недоверчиво оглядел шрам на его виске. Вольф заметил этот взгляд.

– Царапнуло, было дело – шальная пуля, – объяснил он, подняв два пальца к голове. – Но пятнадцатилетние мальчишки не сидят на месте, даже если на улице война, я бы даже сказал – тем более, когда война. Стащил винтовку, немцы стали отбирать, приставили к голове манлихер вот так, – и он приложил пальцы к виску, но не концами, а вдоль, – и пальнули – звезда нуло отдачей и обожгло. Родом я из Гуляйпольской волости. Там у нас свой Влад Миклош был, только не такой удачливый. Батькой Махно звали. Есть между этими двумя личностями некие параллели. – Он вальяжно откинулся локтем на угол рамы окошка, а другой рукой сделал в воздухе какое-то замысловатое движение, будто поэт, привлекающий музу. – Я как журналист стал изучать личность Влада Миклоша. Думаю, может, написать о нем книгу. Правда, пока не определился с жанром.

Улыбка медленно сошла с его лица, и он неожиданно выпрямился и перевел ставший тяжелым взгляд на грузина.

– Ной Жордания⁵, – гробовым голосом произнес Вольф, сверкнув глазами, как театральный граф Монте-Кристо, явившийся изболбить Вильфора.

Грузин все это время сидел неподвижно и, слушая Вольфа, неприязненно пялился на него. Когда вдруг Вольфу пришло в голову посреди разговора со Стрельцовой плюнуть в него именем главаря грузинских повстанцев, он поначалу даже не шелохнулся, точно не расслышал.

Только лишь поначалу.

⁵ Жордания Ной Николаевич (1869–1953 гг.) – лидер грузинских меньшевиков. В 1893–1898 гг. один из организаторов социал-демократической партии Грузии, глава Национального правительства Грузии в изгнании.

Но потом лицо Месхишвили мертвецки побелело, вытянулось, веки затрепетали, губы сжались, и сразу же по телу пробежала дрожь. Он как-то неестественно дернулся, сжал кулаки, словно вот-вот набросится на Вольфа или повалится на колени и начнет рвать на себе волосы, но совладал с собой и медленно, будто боясь расплескать свою злобу, отвернулся. Нельзя так легко поддаваться провокации – внутренне подначивал его Феликс, стараясь не выдавать торжествующей улыбки.

Он пристально наблюдал за тем, как по светлоокому лицу грузина продолжали пробегать облачка тревоги, как он умоляюще вскидывал брови, шевелил губами и сжимал коленки белыми от напряжения пальцами, видел, как из-под его барашковой шапки потекли струйки пота. Несколько раз его безвольная рука вскидывалась то к груди, и дрожащие пальцы проводили по ребрам, то к голове, и он вытирал пот, то к воротничку застегнутой по горло рубашки. Белов видел, как его беспомощные пальцы все искали верхнюю пуговицу и никак не могли ее найти.

Жена Месхишвили, заметив, какое действие на него произвело упоминание их печально известного соотечественника, тревожно следила то за движениями рук мужа, то за его мимикой. В какой-то момент он поднялся, хотел было выйти в проход, Лида придвинулась к окну, пропуская его. Но он сел на ее место, бессознательно продолжая искать пуговицу у горла.

Известное дело, что услышать грузину в стране большевиков от кого бы то ни было имя Ноя Жордании приятно мало – тотчас начнешь думать, что тебя подозревают в сношении с оппозицией или в национал-уклонизме. Но слова Вольфа звучали как вызов, как пощечина...

Тугодум Саушкин, в конце концов заметив неловкость ситуации и подозрительную тишину, медленно поднялся и приблизился к грузину.

– Какой-такой Жордания? – положил он ему руку на плечо, нагнувшись к лицу. Того передернуло. – Кто здесь произнес это имя?

Грузин метнул в Вольфа яростный взгляд, сбросив ладонь Саушкина со своего плеча, и сжал губы так сильно, что они побелели, отчетливее выступили скулы и красные пятна на них.

Так как он ничего не сказал, уполномоченный вынул его удостоверение личности из кармана своей куртки, куда сложил документы пассажиров.

– Хм, как интересно. Завагитпропотдела московского губкома партии! – прочел он. – Это вам не хухры-мухры. Почему вас подозревают в связях с Жорданией?

– Никто меня не подозревает! – сквозь зубы выдавил грузин.

– А вот товарищ студент подозревает, – не унимался уполномоченный, склонившись еще ниже – так, что его усы коснулись виска грузина. Тот отшатнулся, бросив сначала на него косой презрительный взгляд, а потом не удержался и оглядел присутствующих. Никто ему на помощь идти не собирался. Все прекрасно понимали, что Вольф, скорее всего, был провокатором на службе ОГПУ.

– С чего вы взяли? – не сдавался Месхишвили.

– Стал бы он просто так произносить это имя вслух?

– Кто его знает! Спросите его, чего вдруг он стал так говорит.

– Покажите ваш билет.

– Почему вы его не спросите? – дрожал от гнева и захлестнувшего его чувства несправедливости Месхишвили.

– С товарищем Вольфом мы успеем поговорить. Ваш билет.

– Когда вы с ним говорите будете? Говорите сейчас! Нэ хотите? Да, потому что он тут подставной.

– Ваш билет!

– Он, черт возьми, у вас!

Саушкин, не сводя взгляда с лица Месхишвили, опять полез за пазуху, так как вынул только паспорт.

– Эко вы потом обливааетесь, Даниэл Сергеевич, – проронил он, глянув на вынутые два билета. – Хм, как будто куплены вчера – чернила свежие, – он приблизил их к носу, вдохнул, будто цветок, – бумага еще пахнет краской. Не теряли билета, раз пришлось покупать новый? Судя по тюкам, которые принадлежат вашей жене, в путешествие вы собрались не вдруг. К маме, как же! Бежите куда? Или от кого?

Лицо Месхишвили было белым, но теперь вдруг побагровело, на лбу выступили темные линии набухших от напряжения сосудов, он с такой силой сжимал кулаки, что было слышно, как хрустят его суставы.

Все тем временем молча наблюдали эту сцену, профессор Грених безучастно смотрел в окно, точно так же поступал латышский чиновник, Стрельцова скрипела зубами, но не решалась встрять – ей хватило удара по лицу. Да и побаивалась она Агранова, хоть и петушилась. Месхишвили обвел вагон полными ненависти глазами, потом опять посмотрел на листающего его паспорт и партийный билет уполномоченного. И вот его глаза потемнели совершенно по-особенному, как у тигра при виде куска мяса, – сейчас схватится с ним в драке! Сейчас вцепится прямо в горло.

Но нет... Того, что произошло дальше, Феликс предугадать не смог.

– Это все из-за нее! – вскочил Месхишвили, вдруг выпростав палец на жену. – Я здесь совершенно ни при чем! Ни при чем! Это полностью ее инициатива. Ее!

– О, что ты такое говоришь?! – ошеломленно воскликнула Лидия, воздев к мужу руки. – Что на тебя такое нашло, Даня?

Феликс сместил фокус внимания на грузинку и стал жадно наблюдать, как меняется ее лицо, как вокруг рта появляются складки, расцветают морщинки в уголках заблестевших слезами глаз. Наверное, уж словесный удар супруга пришелся в цель, раз так она побледнела и подурнела разом. Феликсу никогда не приходилось видеть, как лжет женщина, как она выворачивается, хватается за слова, вызывает к чувствам. Нет, конечно, он такое видел, но как-то издалека. Хотелось расщепить на атомы ее эмоции, и он слушал, весь превратившись в слух, смотрел, пожирая глазами, впитывая все крупницы ее сущности, которая, как электрический прибор, заискрилась вдруг током, или скорее напряглась, как то морское животное, которое выпускает чернила, чтобы спастись или спугнуть противника.

– Говорю, что должен был сказать уже давно! Ты лгуния. Ты предала наш род, меня, нашего сына! Из-за тебя мы оказались в этом вагоне! А я-то думал, зачѐм било за неделю до Нового года так спешит к матери. Ты билет обронила? Ты ходила туда? Ты обронила? Ты? Ну, отвечай!

Он набросился было на нее с кулаками, Лида сжалась, закрываясь от него локтями, но в самую последнюю секунду он овладел собой, с рычанием отпрянул. Нервные пальцы его сжимались и разжимались, из приоткрытого рта вырывались приглушенные хрипы.

– Думаешь, я ничего не знал! – наконец сорвалось отчаянное с его губ.

– Думаешь, я ничего не знала! – бесстрашно, но с бесконечной болью смотрела она в ответ. – Теперь мне все ясно! Вот через кого ты все это время действовал. О, неужели грузинская оппозиция работала через этого гнусного человека, через этого австро-венгерского шпиона?

– Замолчи, женщина, ты не понимаешь, что говоришь.

– Ты втянул нас в это, жалкий ты человек. И братья твои с дядьями – жалкие. Наверное, это ты и обронил билет, а теперь пытаешься свалить все на меня... на жену свою, на мать ребенка своего. О, что будет с нашим маленьким Бесо?!

– Но ти!.. Ти же... убийца, ти же убиваешь своих пациентов, – бросил Месхишвили, в тоне проскочила жалостливая нотка, будто он на мгновение пожалел о минуте слабости и, быть может, захотел дать задний ход. Но было поздно. Все слова были сказаны. Все натянутые струны порваны.

Лида закрыла лицо руками, нагнулась к коленям, сжалась в комок.

Глава 3. Дары волхвов

Июнь 1928 года. Москва

Даниэл Мехишвили завернул с переулка Романова, звавшегося по-новому улицей Грановского, на Воздвиженку, обошел колонны и полукруглый балкон особняка Разумовских-Шереметевых и потянул на себя старинную резную дубовую дверь. Графское владение ныне было точно новый Вавилон. Каким-то образом здесь умудрялись существовать коммунальные квартиры, кабинет зубного врача Слонимской, аптека, художественная мастерская, редакция шахматного журнала «64» и Кремлевская поликлиника, столовую которой расположили от нее поодаль, в церкви Иконы Божьей Матери «Знамение». Аптека, амбулатории, рентгеновский кабинет, дезинфекционный отряд и административный аппарат Лечебно-санитарного управления Кремля обосновались в особняке в 1925 году, а прошлым летом началось строительство нового больничного здания.

В конце рабочего дня Даня имел обыкновение заходить за супругой, чтобы вместе потом прогуляться до дома. Он медленно шел успешными почернуть и обветшать лестницами, по протертому паркету анфилад, с которого давно сняли ковры, мимо пустых ниш, где прежде стояли беломраморные скульптуры, и окон, лишенных бархатных портьер, зато свежевыкрашенных белой краской. Глухим, пугающим гулом отскакивали звуки шагов от голых стен, над головой тяжело нависали великолепно расписанные потолки, выглядящие сиротливо в пустых залах. Картины все вынесли, фрески остались. Пахло свежей эмалью, больничным букетом из йода и карболки, к нему примешивались ароматы влажной древесины – тот особенный запах в давно не отапливаемых старых городских домах. Даня видел эти залы освещенными хрустальными люстрами, переполненными лакеями, дамами в вечерних туалетах, мужчинами во фраках, помнил сияние зеркал и звуки маленького оркестра. Даня принадлежал к одной из многочисленных веток древнего грузинского рода, часто бывал в детстве с отцом в Петербурге, все его родственники теперь состояли в Исполнительном Комитете Национального совета Грузии, просуществовавшем до того памятного часа, когда в Грузию вошла Красная Армия... Прошло семь лет.

Кабинет хирурга, возглавляющего ныне Кремлевскую поликлинику, Виноградова Владимира Николаевича находился в самом конце длинного, извилистого коридора. Голоса, тихим, несвязным эхом доносившиеся из-за распахнутых дверей лаборатории, насторожили Даню. Семь лет он жил в тяжелом напряжении и страхе, что настанет день и что-нибудь – может, малое, незначительное, а может, и вполне существенное, разрушит медленно и кропотливо возводимый им по кирпичику мост – к старой жизни, к его родному городу, дому, семье. Угрозы со стороны собственной жены он и не ждал...

Он никогда не посвящал ее в свои планы. И она никогда не задавала вопросов. Почему он – грузин из Кутаиси, родственники которого были и социал-федералистами, воевавшими за автономию Грузии, и социал-демократами, работавшими с эсерами из партии «Схиви», – сам нынче был заведующим агитпропотделом московского губкома партии? Почему один его старший брат был в Грузинской социал-демократической партии, примкнул ныне к прометейстам⁶, а другой – состоявший в Национальном совете Грузии – погиб во время Августовского восстания? Почему при всем этом сам Даня участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, посещал курсы марксизма при Коммунистической академии на Волхонке, потом перевелся в Институт красной профессуры?

⁶ Организация «Прометей» была создана в 1926 году с целью поддержки националистических движений за независимость нерусских народов, живших в пределах СССР.

На первый взгляд все ясно как день – революция расколола многие семьи, одни уезжали за границу, другие боролись против большевиков, третьи приняли их власть, и Даня был в числе этих последних.

Но так было лишь на первый взгляд, и так оно должно было оставаться как можно дольше...

Весь короткий период независимости Грузии проторчал он в Москве, ожидая, пока Жордания крепко встанет на ноги, с замиранием сердца следил за тем, как восстанавливались дипломатические отношения с РСФСР, необходимые большевикам только лишь для мира с Англией, поставившей новому государству несколько ультиматумов, которые не были в конце концов выполнены. В ночь на 12 февраля 1921 года Красная Армия напала на грузинские военные посты у Лори и Шулавери. С немым отчаянием воспринял Даня весть о поражении грузинской армии на реке Храми, о быстром падении Тбилиси и эвакуации правительства в Кутаиси, о взятии его родного города большевиками и о побеге соотечественников в горы. Даня не мог быть с ними и во время восстания в 1924-м, поднятого князем Чолокашвили⁷, в котором погиб один из его братьев. Даня должен был оставаться их якорем здесь, в Москве. Даже когда в эмиграции покончил с собой Карло Чхеидзе⁸, умер Ленин, который мог поддержать автономию Грузии, и рухнули все надежды на сопротивление, ему приказано было держаться.

До 1928 года он сидел тише мыши, старательно учился, усердно трудился во благо коммунизма, чтобы не быть замеченным в тяготении к национал-уклонизму, ожидая указаний от освобожденного из-под ареста старшего брата, и только в прошлом году получил приказ примкнуть к блоку, созданному Бухариным, Рыковым и одним из его начальников – ответственным секретарем комитета партии Углановым.

Сталин ходил по тонкому льду – слишком давил на деревню, поднял цены на хлеб, а составленный им план на первую пятилетку включал совершенно фантастические вещи по строительству промышленных объектов. Причем строительству под эгидой американской фирмы «Альберт Кан», да еще спонсированному германскими кредитами. Уже начали появляться воодушевляющие плакаты «Догнать и перегнать», что скорее означало «перегнать и сдохнуть». Именно тогда и стали поднимать головы «правые оппозиционеры», наметились перемены, к «правым» примкнули и «левые» – троцкисты, и «новые» – Зиновьев и Крупская, вдова Ленина. Казалось, никогда еще надежда не была так крепка, все чаще говорилось о неизбежности возвращения к буржуазным отношениям как в городе, так и в деревне, о легализации кулачества и, главное, о неизбежности неравномерного разделения крестьян на «зажиточного кулака» и «хозяйственного мужика». НЭП утвердился в городе и наметился прорасти в сельскохозяйственную нишу. А дальше можно было бы говорить об автономии некоторых регионов, независимости его Родины, об установлении прежних, но с новым, правильным уклоном, порядков, о возрождении старых добрых национальных традиций...

Даня терпеливо выжидал, Даня выслеживал, слушал, наблюдал. Держаться помогало лишь осознание, что еще год – и все изменится, еще год – и он вернет семью на Родину.

И когда повеял ветер перемен, он получил удар, откуда не ждал.

Его жена оказалась ярой троцкисткой. Причем совершенно не разбирающейся в политической ситуации, с целями, в которых главенствовали чисто бабские желания. Бывшей ученице Смольного захотелось иметь французские булочки и английский кофе на завтрак, парижское нижнее белье, брюссельское кружево для кофточек, лионский шелк, личную портниху...

Жизнь, как в Европе, – предел ее мечтаний.

⁷ Кайхосро Чолокашвили (1888–1930) – грузинский князь, военный деятель.

⁸ Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864–1926) – председатель Закавказского сейма и Учредительного собрания Грузии, член Социал-демократической партии Грузии. После советской оккупации Грузии эмигрировал во Францию.

И ради этого она шла даже на убийство. О если бы только она знала, как он все это время рисковал, чтобы вернуть это все! Рисковал не только своей жизнью и жизнями членов своей семьи, но родным народом.

Даня подобрался совсем близко к распахнутой двери в бактериологическую лабораторию, где его жена служила медсестрой. В ее обязанности входило посещать партийных работников на дому, делать уколы, прививки и прочие медицинские процедуры.

Дверь захлопнулась – видно, почуяли чье-то присутствие, хоть Даня и успел скользнуть в глубокую нишу первой попавшейся на пути двери. Его разбирало любопытство, он тихо, стараясь не скрипеть столетним высохшим паркетом, подкрался ближе и припал к двери ухом, заранее решив, что, если застанут, – скажет, что ревновал жену и подслушивал из подозрений в неверности.

– ... я устала ждать, устала от пребывания в состоянии вечной готовности. Я уже семь лет жду, когда что-то изменится. Но ничего не меняется. Комсомол, партсобрания, лозунги, полуголодное состояние. На мне все платья висят как на чучеле огородном. Я хочу что-то делать! Я должна все исправить, изменить... – говорила она с жаром, часто повышая голос. – Я – и никто другой. На себя одну я лишь уповаю. Больше рассчитывать не на кого. Нынче каждый сам за себя!

– Нужно соблюдать осторожность и не торопиться, ни в коем случае не спешить, – приглушенно отвечал ей Виноградов, и по тону его голоса было понятно, что он не хочет быть участником этого разговора. Даня был уверен, что, говоря это, он опасливо поглядывал на дверь: сейчас все, вынужденные существовать теснее, чем когда либо, принимали меры излишней осторожности машинально. Могло погубить любое ненароком оброненное слово.

– К чертям осторожность! – всплакнула Лида. – Этот... этот набичвари⁹ думает, что ему все можно! Он втихаря ведь работает. С ним нужно его же методами. Давайте я его заколю... нет-нет, не ножом. Яд! И уж теперь ни стафилококком, ни стрептококком, ни тифом не обойтись. Его нельзя просто на несколько дней вывести из игры, как было с другими. Пусть будет стрихнин или... какое-нибудь цианистое соединение. Я смогу пробить ему иглой руку, даже через его френч. Я тренировалась! Я вынашиваю эту идею уже давно. С вами или без вас, но я это сделаю.

Даня, не дыша, нагнулся к замочной скважине, заглянул внутрь. Большой лабораторный стол, аккуратно заставленный блестящим стеклом – сосудами, трубками, бутылочками, косо льющийся в высокие прямоугольные окна свет, розоватые блики на стенах и две фигуры в белых халатах справа: слушающий Лиду доктор Виноградов и она сама, лиц не разглядеть, но видно, как она нервно размахивает руками. Где-то в углу копошился двухлетний Бесо, которого жена брала с собой на работу, если не с кем было оставить дома.

Лида была тоже из грузинской дворянской семьи, но давно обосновавшейся в Петербурге, училась в Смольном институте благородных девиц, убежала в семнадцатом на баррикады, хотя оставалось учиться лишь год, не поехала в Новочеркасск, куда перебазировался институт. Революция для нее была романтическим приключением, которое быстро наскучило. Как только наступили нужда и голод, нахлынула тоска по прежним временам, и день ото дня становились все несносней ее причитания. Бытовые неудобства, следование нелепой дисциплине комсомола и большевистским призывам отринуть все женское и стать солдатом партии – вовсе не то, о чем мечтала она в девичестве, когда грезила о победе прекрасной дамы, идущей по городам с красным флагом наперевес. Во французских журналах Революция всегда изображалась в виде красавицы богини победы, несущей триколор, а тут – грузная, некрасиво нахмуренная баба в платке, потрясающая кулаком или выпроставшая скрюченный палец, грозящая и призывающая быть в первых рядах борцов за социализм, работать и помалкивать.

⁹ Ублюдок (*грузин.*).

Вся эта большевистски-советская красная и грубая атрибутика сначала забавляла Лиду, но потом стала раздражать.

Она стала носить бусики, как знак внутреннего несогласия с грубоватой надобностью, потом сняла косынку, отказалась остричь волосы по последней моде, как и все девушки на курсах медсестер, которые она посещала, прежде чем начать работать в Кремлевской поликлинике. В Лечсанупр ее приняли тотчас же по окончании курсов, потому что она была самой толковой ученицей.

Нет, так больше жить нельзя. Сердце Лиды рвалось от боли. Мир свернул куда-то не туда, раньше было лучше!

Ее одинокий протест стал заметен Виноградову, он ее предостерег, что если открыто выставлять себя против комсомола, презрительно высказываться о серых юнгштурмовках, в которые влезли все девочки на курсе, красить ярко губы и носить бандо вместо косынки, то очень скоро она прослышет изгоем. Изгоем Лида становиться не хотела, Виноградов понимал это, видел и ее искренний жар, который грузинка сдерживать не могла, хоть в Смольном была всегда парфеткой¹⁰. И он предложил ей вступить в тайное противостояние и взяться за оружие, которым Лида могла бы действовать одинаково и эффективно, и незаметно, прокладывая путь к победе тех людей, которые, как и она, видели, что диктатура партии погубит в людях все человеческое, что лучше понемногу вливать в города прежнее, живое, пусть и буржуазное, или, как сейчас это называли, – нэповское.

Нэп Лиде виделся простым и идеальным решением. Пусть те, кто умеет торговать, – торгуют, те, кто умеет шить, – шьют, пусть пекут пекари, уверенные в своем мастерстве, знающие наверняка, что если делать свое дело лучше всех, то и заживешь лучше. Но когда все равны, и не просто равны, а посажены в одинаковые, крохотные ящики, грубо сколоченные, в которых едва хватает места, чтобы двигаться, – почти гробы! – нет желания ни стараться, ни делать что-то и вообще – жить. Лида очень хотела стараться для других и чтобы кто-то старался для нее. И только в этом видела выход из голодной ямы, из всеобщей нужды. И пусть бы при этом люди оставались немного корыстными, слегка порочными, чуточку слабыми, тогда бы находился тот, кто спешил эти слабости удовлетворить. Ну что преступного в том, что страстно хочется воздушных булочек на завтрак, а устриц и бокала сладкого итальянского вина к ужину хоть в месяц раз! Когда имеется спрос, появляется и предложение. Тогда есть и работа – по охоте, а не по принуждению! Как там было в басне о пчелах Мандевиля: «...такой был здесь гражданский строй, что благо нес изъян любой, дружила нравственность с пороком; тут и преступница-пчела для пользы общества жила».

Но всё как-то так закрутилось, что все теперь старались не для блага друг друга, а только для партии – для этого эфемерного чудовища, которое, как тот Минотавр, все время требовал от Крита новых и новых подаяний в виде человеческих жизней. На ее глазах многие исчезали куда-то, объявленные врагами народа. Иные уезжали за границу, оставались только совершеннейшие пустоголовы, которых легко было держать в марионетках. Человеку мыслящему в рядах нынешнего гражданского строя как будто не оставалось места. Любое инакомыслие или даже просто способность рассуждать воспринималась как угроза. А ведь Лиду с детства учили думать, взвешивать умом... Да, в конце-то концов, и в былые времена хватало бомбистов, недовольных и несогласных, но раньше такому человеку требовалось долго и упорно доказывать свое несогласие, прежде чем его водворяли на каторгу или за решетку. Ныне все случалось почти по щелчку пальцев и порой за ни за что.

На глазах Лиды врагами революции были объявлены три ее подруги – все по происхождению дворянки. И зловещему Минотавру выслать их из страны не помешало горячее желание девушек носить красные цвета и работать на заводе до потери пульса. На ее глазах – в год,

¹⁰ Послушная и скромная ученица. От французского *parfait* – «совершенный».

когда еще она жила в Петрограде, – посадили на пароход, отбывавший в глухую неизвестность, нескольких ей знакомых учителей – им не позволили взять с собой ничего, кроме сменного белья. Людей сшибали, как шашки с доски, – щелчками, бездушно. А были и совершенно смехотворные причины – студента выгнали из института за то, что тот выругался, когда на его голову упал портрет Ленина...

Лида не могла отделаться от мысли, что она спит и видит кошмарный сон, что портрет не Ленина, а Торквемады, а живут они на самом деле в эпоху священной инквизиции или того хуже – во времена кровавого римского диктатора Суллы. Страшно делалось от мысли, что человека легко можно объявить врагом пролетариата за такую пустяковину, как вырвавшееся бранное слово в сторону кого-то из вождей. Нужно было найти того Тесея, который спас бы мир от прожорливого гада!

Таким Тесеем Лиде виделся сначала Рыков. Он так отважно отстаивал на съездах новую экономическую политику... Каково же было ее разочарование, когда он вдруг прилюдно отказался от своих идей и пал на колени перед Сталиным – этим тихим, усатым кротом, который все более и более принимал облик мифического чудовища, коего так боялась Лида, который будто бы подражал реформам Суллы. Она слушала то, что говорилось на партсобраниях, и ужасалась.

Хотелось вскочить, кричать... Но Виноградов успел ее познакомить с деятельностью еще одного революционера, ставшего отчего-то подпольным. Тесеем мог бы стать Троцкий! Вот кому бы взять бразды правления, вот кто тонко понимает, как развиваться молодой стране в условиях голода, дефицита, разрухи. Ведь он стоял у самых истоков революции, он ее выковал. Но беда в том, что он изгнан и вынужден вести борьбу откуда-то из зарубежья. Его место занял тихий узурпатор Коба с кротовьей мордой...

Виноградов уверял, что Троцкому просто нужно помочь вернуться. И Лида стала тем тайным солдатом, который делал свое маленькое, невидимое дело, она стала пчелой-преступницей – уничтожала сторонников Сталина, заражая их разными бактериями – стафилококком, стрептококком, сифилисом и тифом, вводила провоцирующие инфаркт или инсульт вещества. Делала это очень тонко, умело, незаметно уже несколько лет подряд, не вполне отдавая себе отчет, какую гигантскую работу по зачистке проводит почти в одиночку. И только когда до нее это дошло, она поняла, что в ее власти уничтожить самого Минотавра, что она не просто пчела-преступница, она и есть Тесей!

Она вернет своему мужу и себе Родину, восстановит нарушенный баланс в их новом обществе. Она даст своему сыну действительно светлое будущее!

Даня все стоял под дверью и слушал ее, позабыв дышать. Слова заглушали громкие удары сердца. Он вдохнул и шумно выдохнул. Испугался – мог быть услышанным, отошел от двери, взявшись за стену. Прийти в себя смог только потому, что дверь распахнулась, и он поспешно сделал вид, что только что явился.

Лида первую минуту смущенно поглядывала на него, когда он пожимал руку Виноградову. Но Даня тоже не был лыком шит, долгая служба во вражеском лагере сделала его умелым конспиратором, он быстро смахнул с лица недоумение и тревогу, нацепив маску простого партийного работника – бодрого, решительного, всегда готового, изобразив ту марионетку с тупой улыбкой до ушей, какой был всегда и везде – дома, на работе, в общении с друзьями, в любви и даже, наверное, во сне.

Лида сразу поняла, что он уже давно стоит и слушает. Это она захлопнула дверь, когда Виноградов обратил внимание, что в тишине коридора слышны чьи-то приближающиеся шаги. Дверь она закрыла, но осталась стоять в трех шагах, делая вид, будто так озабочена разговором, что позабыла об осторожности. И говорила нарочно громко. Пусть слышит! Пусть знает, что она готова на все, чтобы их сын рос в свободной стране. Она жаждала вернуться в Грузию, мечтала, чтобы мальчик их закончил Кутаисскую классическую гимназию, которую ныне закрыли.

В ней, между прочим, учился поэт Владимир Маяковский, гордо звавший себя «почти грузин», который сегодня водит дружбу с чекистами и называет их «нашей диктатуры сжатый кулак». Лида знала, как мужу хотелось увидеть родной Кутаиси, оставить большую и важную должность, которую он занимал и которой тяготился, нес, как крест, навязанный ему даже не партией, а его братом-подпольщиком. Лида прекрасно знала – прочла в его дневниках, что Даня был надежнейшим связующим звеном центра с грузинской оппозицией и с национальным правительством в изгнании. Годы он был вынужден жить, лишь беспомощно наблюдая издалека зыбкое становление независимости его родины, а теперь трагическую ее погибель...

Тогда Лида и собралась приступить к решительному действию, тогда-то и подумала, что готова поразить Минотавра. Но как о таком сообщишь мужу? Женщина ведь существо слабое, глупое, она не имеет права лезть в политику, она же в этом совершенно ничего не смыслит и только бы все испортила. Так думал о ней Даня. Узнай он, что жене известно обо всех его чаяниях и намерениях, сошел бы с ума. Приходилось врать, юлить, делать вид, что ее интересуют тряпки. Но довольно! Теперь пусть знает, что и она рискует, что цель у них одна, пусть знает, что и она хочет видеть Грузию свободной от большевистских оккупантов, жить в Кутаиси. Она не просто женщина, а боец... Пусть знает! Пусть слышит каждое ее слово...

Конечно же, она тотчас пожалела о минуте слабости, едва увидела мужа под дверью. Впилась взглядом в его лицо, чтобы вычислить все чувства, и малодушно надеясь, что он ничего не услышал...

А потом они, взявшись за руки, вышли из бывшего Шереметевского особняка и, о чем-то весело переговариваясь, так и не поняв друг друга, отправились по летней Воздвиженке в сторону Арбата, неся на руках – то он, то она – маленького сына, которому суждено скоро стать сиротой.

Глава 4. На березу села галка, две вороны, воробей...

1 января 1929 года. Октябрьская железная дорога. На пути в Ленинград

Чтобы подыгрывать больным, когда того требовала терапия, профессору Грениху пришлось заставлять себя мыслить в соответствии с проработанным им сценарием. Общеизвестная истина: врать и притворяться невозможно, если не веришь в собственную ложь. Поэтому приходилось делать для этого особое усилие.

Сейчас получалось плохо. Константин Федорович сидел, скрестив на груди руки, нехотя оторвался от мыслей, вновь окинув взглядом вагон. Красавица-грузинка наклонилась к своим узелкам, с головы скатился великоватый ей картуз, на плечо упала толстая черная коса, которую она прятала под шапкой. Рядом ее супруг – светловолосый представитель этой удивительной и самобытной нации, его явно что-то тяготит, он подолгу замирает со стеклянным взглядом, обращенным в пустоту. Сидящий напротив молодой человек удивительно спокоен, но не внушает доверия едва заметно вздрагивающий вверх уголок рта, демонстрирующий внутреннюю готовность к чему-то, известному ему одному. Он улыбается и хмурится своим мыслям, говорит редко. Лет ему около двадцати пяти, судя по его словам и документам, чему на деле трудно поверить – уж очень тяжелый взгляд и слишком глубокие морщины пролегают вокруг глаз и рта, да и в волосах седые штрихи, что наводит на определенные мысли, что он мог жить не по своим документам или же в них закралась ошибка.

В пору Гражданской войны, когда удостоверения личности и паспорта, бывало, заполнялись людьми малограмотными, выдавались всем подряд, а данные записывались лишь со слов и нигде не перепроверялись, по подложным именам, с измененными датами рождения в угоду каким-то целям – например, ради возможности избежать службы в армии, для зачисления в вуз или чтобы получить очередной паек – жили очень многие. Бывшие дворяне записывали себя в рабочий класс, профессора – в деревенские учителя, евреи – в русские. Тот же Троцкий Лев Давыдович был когда-то Лейбой Бронштейном, нарком торговли Каменев носил фамилию Розенфельд, нарком земледелия Яковлев – звался Эпштейном. А теперь эти люди удивлялись, почему венгр Миклош взял русскую фамилию Швецов. Революция точно воду в реке взбаламутила, со дна на поверхность поднялся весь ил, обсыпались берега, а где-то даже обвалились мосты и вырвало с корнем деревья – хаос, который не скоро, а может, и никогда не придет в порядок. Время, когда всякий мог стать королем, а король мог потерять все. Эра самозванцев.

И самым ярким самозванцем стал вышеупомянутый Влад Миклош, проживший в СССР под именем Швецова Савелия Илиодоровича несколько лет и дослужившийся от начальника рязанской губчека до московского губернского прокурора. Не мудрствуя лукаво, в Гражданскую войну он убил человека, взял его паспорт и построил новую жизнь под другим именем в чужой семье. Своим присутствием в этом вагоне Грених был обязан именно шальному венгру Миклошу, которому нынче навесили ярлык «австро-венгерский шпион», к слову, совершенно несправедливый, но необходимый, чтобы под ним спрятать его тесную связь с другими партийными работниками, занимавшими крупные должности.

Немногие знали, что служил Миклош лишь одному человеку – самому себе. Но в эти темные времена всем чудились кругом одни шпионы: агенты немцев, французов, японцев, Троцкого, «Интеллидженс Сервис» – английской контрразведки. Разумеется, Миклошу невозможно было начать карьеру, попасть в начальники губчека, а потом дослужиться до губпрокурора без чьей-то протекции или рекомендации. И такую свою первую рекомендацию он получил от совершенно случайного человека – командира рязанского революционного отряда, собранного в апреле 1918-го, человека еще очень юного, несмышленного, доверчивого, верившего в революцию и людей всей силой своего необузданного сердца. Получив от него заветную бумагу, Миклош тотчас запер его в погребе усадьбы, которую потом сжег.

Правда, Ольга не сразу поведала, что помогла юноше бежать, да никогда и не рассматривала его в качестве свидетеля. Трудно считать свидетелем человека, который разделил ее участь пленницы, а потом стал шестеркой своего палача.

Года через три или четыре выживший краском все же объявился.

Но, придя к Миклошу, чтобы взыскать за обман, он предпочел с ним сойтись в вопросах сотрудничества. Венгр уже занимал должность заведующего Юридической частью Московского отдела социального обеспечения, обзавелся нужными связями, имел ниточки влияния на вышестоящих особ – до сих пор выясняется, на каких же именно и как он на них воздействовал, а главное, чем. Влад Миклош лишь посмеялся над юношей, объяснил, что доказать его преступление будет непросто, что лучше с ним отношения не портить, признать свое маленькое поражение, посулил значок КИМа и студенческую книжку одного из институтов Москвы. Молодой человек, переживший пожар, год проживший в глухой деревеньке, залечивая телесные и душевные раны, был для него слишком слабым противником, побушевал, поразмыслил и сдался – вступил в коммунистический интернационал молодежи и благополучно поступил в один из популярных вузов столицы.

Сведения эти Грених получил от Ольги. Но спустя десять лет она не смогла бы узнать человека, которому спасла жизнь, она видела его мельком, перепачканного в крови и грязи, его крепко отделили, прежде чем приволокли в ставку атамана. А о том, как тот парень сейчас устроился, Ольга знала лишь со слов Швецова, который мог порой разоткровенничаться с любовницей больше обычного или же наврать ей с три короба. Тут уж не угадаешь.

Тогда, в восемнадцатом, будучи заложницей в собственной усадьбе, она предпринимала немало попыток связаться с кем-нибудь извне – хоть с белыми, хоть с красными, хоть с деревенскими. И единственно логичный и действенный выход, который она нашла, – помочь пленному краскому выбраться. На клочке вексельной бумаги Ольга набросала для юноши план погреба усадьбы, указала, какая стена выходит наружу, значками пояснила, как удобней будет рыть, куда потом бежать. Под чертежом она кратко обрисовывала свое бедственное положение с призывом о помощи. В подвале Миклош держал человек пятнадцать, а выжил лишь этот, значит, успел до пожара вырыть подкоп.

Когда Ольга узнала, что у порога кабинета губпрокурора были найдены записка и билет до Ленинграда, она тотчас заявила, что это «тот самый мальчишка». Он обронил билет. Это знак! Это спасение! Бедная женщина хваталась за любую малость... Сведения крайне ненадежные, но Грениху пришлось ухватиться за этот единственный нелепый шанс. Спасти ее от приговора суда могло лишь доказательство, что она просила помощи, а не была с атаманом заодно. Для чего необходимо найти беглеца.

Но мало его вычислить и поймать, если, конечно, он сегодня был среди пассажиров, нужно еще и уговорить его сознаться в поступке, отнюдь не заслуживающем похвалы, – сам спасся, а семью Ольги оставил погибать в когтях бандита. Бесконечно мало шансов, что такой удалец захочет выставлять себя подонком, если благодаря подачкам Миклоша успел прочно ввинтиться в гигантский механизм советского общества.

Ольга питала надежду воззвать к его совести. Грених на этот счет не заблуждался. Совесть красных офицеров в основном существовала только в книжках, одобряемых Главлитом, на деле любой нормальный человек думал только о собственной шкуре. И уж точно ставший комсомольцем и студентом молодой человек не пожелает рискнуть нажитым благом ради спасения любовницы шпиона.

Делать было нечего, совесть требовала проверить единственную существующую версию. В составе секретной группы Грених приступил к поиску этого человека. И данных у него имелось с гулькин нос. Мальчишке – если, конечно, под одеждой красного офицера не пряталась девица, такая, как, например, эта Стрельцова, – в дни действия ревкомитета было около двадцати, значит, сегодняшней объект попадал в возрастной диапазон от двадцати восьми до

тридцати двух. Ольга запомнила пару штрихов его внешности. И это все. Стрельцову можно было смело отместить в силу ее слишком юного возраста.

Второе, на что мог опереться Грених, – кто, какой и когда достал билет. Но все, поспешившие занять последний вагон, указанный в записке, найденной у дверей кабинета бывшего губпрокурора, получили свои билеты совершенно разными способами и в разное время.

Грузинская пара приобрела их в кассе за день до поездки. Можно было радоваться – грузин подходил по возрасту и даже по внешности. Но Ольга уверяла, что краском говорил на чистом русском, был русым, голубоглазым юношей нордического типа. Волосы и глаза у грузина оказались светлыми, однако уж слишком был выдающимся нос – такой Ольга бы отметила в качестве весомой приметы. К тому же порой у него прорезался акцент.

Грених нехотя отмел грузина.

Далее следовал неугомонный любитель-шахматист, тоже, кстати, русоволосый и проходящий по возрасту. Но он был ленинградец, приобрел разовый билет в железнодорожной кассе Ленинграда в ноябре и ехал обратно.

Дежурная по вокзалу с елкой пользовалась своим служебным билетом. Если допустить, что она в восемнадцатом служила в Красной Армии под мужским обличем, тогда ей было лет сорок. Ольга бы не могла принять сорокалетнюю женщину за юного краскома.

Подозрительный Вольф с синим росчерком на виске, седоватой шевелюрой и злыми глазами имел билет, выписанный ему еще в мае как студенту-практиканту по ходатайству декана философского отделения Института красной профессуры. По возрасту, указанному в документах, он не проходил, но вид у него был сомнительный.

В самом конце вагона сидел заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ Агранов, часто переглядывающийся с писателем Пильняком и заведующим ревизионной комиссией «Мосторгсиликата» Греблисом, лица которого Грениху с его места было не видать. Все они были старше тридцати пяти...

Доктор Виноградов тоже по возрасту не проходил, а билет у него был бесплатный, выписанный по распоряжению Лечсанупра. Николай Владимирович бывал в Ленинграде на разного рода врачебных конференциях и съездах, ездил в Северную столицу часто. Подозрений никаких не вызывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.